

Елена Заславская не просто рисует эту картину Апокалипсиса с точностью, которая достигается синтезом иконографии и батального жанра, она ещё и наносит интерактивную карту, которая как стерео (переливающийся) календарик, содержит локации до и после войны. Под одним углом там люди живы и занимаются привычными делами в привычных местах, поверни ещё на несколько градусов, и многих из них уже нет, вместо них – вспышка, вместо мест – воронка, Лавкрафтовские терриконы безумия.

Ольга Бодрухина

ЛИТЕРАТУРНЫЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

**Опыты
пристального
чтения-2**

**по стихам
и поэмам
Елены
Заславской**

ЛИТЕРА- ТУРНЫЕ РАССЛЕ- ДОВА- НИЯ

**Опыты
пристального
чтения-2**

**по стихам
и поэмам
Елены
Заславской**

Луганск
ЛНР
2023

УДК 821.161.2

ББК 84Р7-5

Л64

Л64 Литературные расследования по стихам и поэмам Елены Заславской. Опыты пристального чтения-2 / под ред. Ищенко Н. С. – Луганск, 2023. – 118 с.

Книга «Литературные расследования» продолжает «Опыты пристального чтения», созданные луганским искусствоведом, ценителем поэзии Владимиром Карбанем. Книга включает стихи и поэмы Елены Заславской, написанные в течение двух десятилетий, в предвоенной Украине и воюющем Донбассе. В сборнике показано поэтическое осмысление культурных и духовных предпосылок войны и возвращения Донбасса в Россию. Поэтические произведения сопровождаются критическими статьями русских интеллектуалов из Луганской Народной Республики, Германии, Индии. Подобно следователям, распутывающим сложные дела, критики раскрывают смыслы и коды поэтического универсума, существующего на границе империи.

ОТ АРХАИКИ ДО ПОСТМОДЕРНА: ПОЭМЫ, ИНТРИГИ РАССЛЕДОВАНИЯ...

Когда мы слышим слово расследование, в голову приходят в первую очередь детективные романы и криминальные хроники, место преступления, улики, свидетели, доказательства. Но книга «Литературные расследования» заведёт читателя в поэтическое пространство, где улики – это художественные образы, культурные архетипы и философские концепции. При этом следователями выступают критики – философы, литературоведы, блогеры, которые помещают произведение в широкий культурно-исторический контекст, проводят литературные параллели, делают неожиданные выводы и распутывают интриги, считанные в стихах и поэмах Елены Заславской. Проведут читателя по следам поэтической мысли Арсентий Атоян, Ольга Бодрухина, Александр Желанный и я, Нина Ищенко. Отобранные для расследований произведения Елены Заславской раскрывают основные темы её творчества: любовь, война, поэтический экстаз.

Открывает сборник поэма «Век Носферату», написанная вскоре после оранжевой революции 2004 года на Украине. В своём эссе «Алхимическая измена» блогер Александр Желанный даёт читателю неожиданное прочтение поэмы: в образах любовного сюжета оживают архетипы народов и цивилизаций, а банальный любовный треугольник становится символом взаимоотношений Украины, Донбасса и Европы, которые в реальной жизни вылились в 2014 году в кровопролитную войну.

Современные автору события военных лет отражены в двух поэмах, объединённых общим названием «Донбасский имажинэр». Война порождает героя, столкнувшегося со смертью. Критическая статья помогает читателю ответить на вопрос, герой побеждает смерть или склоняется перед ней. В ходе философско-антропологического расследования по материалам этих текстов читатель попадает в мир социологии воображения Жильбера Дюрана и видит поэтические образы произве-

дения, структурированные в разных режимах диурна и ноктюрна.

Продолжает книгу концептуальное исследование о природе поэтического творчества «Поэт без кожи – вакхический или поэтический экстаз?». Текст представляет собой философско-мифологический комментарий к стихотворению Елены Заславской «Марсий, вызови Феба!». Это стихотворение привлекло внимание интеллектуала, искусствоведа и ценителя поэзии Владимира Карбаня, который с восхищением и любовью следил за творчеством Елены Заславской. Его комментарии к стихам Елены вышли отдельной книгой «Опыты пристального чтения» в 2020 году. Владимир Карбань увидел в образе Марсия архетип героя, выходящего за рамки обыденности и бунтующего против божества. Я продолжила заданную Карбанем тему и решила рассказать, как сложился образ Поэта и противника богов в атмосфере архаичных ритуалов, когда причащение божеству осуществлялось через пожирание плоти бога и кровавый экстаз. Читатель сможет найти ответ на вопрос, из чего рождается поэзия и какую роль она играет в современном мире, сохраняя связь с мистическими образами древности. Марсий, продирающийся к поэтическому творчеству сквозь боль и смерть, снова появляется в поэме «Немо».

Поэма «Немо» также задаёт немало загадок читателю. В ней показан Луганск 2014 года как город, накрытый волной войны и оказавшийся на дне моря. Ольга Бодрухина ищет ответ на вопрос, как обрести запретную любовь в затонувшем городе. В моём эссе о поэме раскрывается мифологический и символический смысл моря, как водной среды, соединяющей разлучённых влюблённых, прошлое и настоящее, а также мир живых и мир мёртвых.

Внимание сразу трех критиков привлекла поэма «Новороссия гроз. Новороссия грёз», которой посвящены исследования Арсентия Атояна, Ольги Бодрухиной и моё. Эта поэма раскрывает перед читателем сакральный план войны в Донбассе и позволяет построить иеротопию Донбасса 2014 года. Арсентий Атоян предлагает читателю полноценное исследование творчества Елены в контексте современной литературы, включая поэму о Новороссии.

Завершает книгу поэма «Элиас», написанная после начала Специальной Военной Операции в феврале 2022 года и посвящённая этим событиям. В поэме осмысляются восемь лет войны в Донбассе и даётся поэтический ответ на вопрос, по-

ставленный в начале книги. Если в поэме «Век Носферату» ставится проблема взаимоотношений Украины, Европы и Донбасса, в поэме «Элиас» показано завершение процесса. Донбасс возвращается в Россию, Украина выбрала европейский путь и кровавый конфликт.

Критические статьи о творчестве Елены Заславской публиковались в разных литературных и научных журналах России, включая «Тетради по консерватизму», «Философско-культурологических исследования», «Крылья», «Берега», «Северо-Муйские огни», «Парус», «На русских просторах», «Сура», «День литературы», «Литературные соты» и «Топос».

Собранные под одной обложкой, поэмы и критические тексты дарят читателю интеллектуальное удовольствие от необычного поэтического мира Елены Заславской, игры мысли наших литературных следователей и дают материал для собственного творчества.

*Нина Ищенко
кандидат философских наук,
член Союза писателей Луганской Народной Республики*

Дело об измене

ВЕК НОСФЕРАТУ

1.

Страшнее, чем нож в бок,
Когда на тебе он взмок,
А для тебя – лишь долг.
И больше нет сил терпеть,
А он рычит, как медведь,
И кажется, лучше б смерть.
И в пору бы вслух завывать,
Как на болоте выпь:
Где Бог, что нас всех простит?
Но Бог спит.

2.

Ласточка залетела в мое окно,
В четверг, в 5 утра, сквозь сон
Я слышала лопотание крыл:
Фр. Фр.
Форточка моя высоко,
Створки открыть нелегко,
Они заклеены скотчем.
Словно Дюймовочка,
Я чувствовала кожей
Ласточкину беспомощность
И обречённость.

3.

Сам он огромный,
И х..., как молоток отбойный,
Он меня по-стахановски:
Свыше нормы,
Будто тело моё – порода.
Я люблю оперу,
А он обожает порно.

4.
Знаешь, как я была сделана?
На одеяле марселевом,
Мамино тело пело всё,
Отец наполнял его семенем.
Под музыку Генделя.
И виделось небо им.

5.
Он чокнутый,
Татуировано плечо,
Обведённые чёрным, очи, –
Бездонны.
Он вечно голоден,
Как будто
Не женской грудью,
А соском
Большого террикона
Вскормлен.

6.
Лети, моя птаха,
Отдайся свободе,
Лети, моя птаха,
Я остаюсь в Краснодоне,
Мой нежно любимый давно
Похоронен в Болонье,
В эпоху барокко,
А здесь всё пропахло совком
И потрахано молью.
И всё же Европа.
А значит, свободной
Быть модно.
Лети, моя птаха.

7.
Каждый день он опускается в шурф.
Там уже не живут.
Не размыкая губ,
Натягивает респиратор.
Он под землёю, как труп.
Нет. Носферату.

8.
Мой Фаринелли,
Я от тебя беременна.
Не от тебя, верно,
Ты же не человек,
От голоса твоего запредельного,
Влетевшего птахой сверху
Ко мне, в пять утра, в четверг.

9.
Отмылся от чёрного золота
Обжигающей водкой,
Заел моей плотью,
Запил моей кровью...
А после с азартом забойным:
– Будет сын? Значит, будет шахтёром.

10.
Так уже не поют.
Божественное сопрано.
Напрасно старался Глюк, –
Кончился век кастратов.
Длится век Носферату.

Эпилог

Покоившийся с миром
Глубоко,
Мой Фаринелли – Карло Броски
Был эксгумирован
И взят под микроскоп.

Разъять хотели дивный микрокосм,
Чтобы понять его небесный голос.

2006

Александр Желанный

АЛХИМИЧЕСКАЯ ИЗМЕНА: УКРАИНА С ЕВРОПОЙ ИЛИ ДОНБАССОМ?

Среди многих замечательных стихов Елены Заславской, с которыми я имел удовольствие ознакомиться в последнее время, было одно стихотворение, которое называется «Век Носферату». Оно показалось мне весьма неоднозначным в смысловом плане. Попробую дать свой вариант трактовки.

Стихотворение имеет дуальную композицию: оно разбито на десять строф, которые относятся попеременно к нелюбимому мужу (буду называть его данным женой прозвищем – Носферату) и любовнику (Фаринелли). Строфа, полная отвращения, чередуется со строфой, полной нежности. Внимательно читая, можно увидеть, как переключаются друг с другом различные аспекты этих двух персонажей.

Имена: Фаринелли и Носферату.

Профессии: певец и шахтёр.

Воплощения: ласточка и вампир.

Стихии: небо и подземелье.

Голоса: божественное сопрано и медвежье рычание.

Художественные жанры: опера и порно.

Географические привязки: Болонья (Европа) и Краснодон (Донбасс).

Сущности: духовная и материальная.

Интересно, что, несмотря на столь полную противоположность, есть одна черта, их объединяющая: оба они, каждый по-своему, мертвы – и в то же время бессмертны.

Носферату – труп? По определению жены, он – вампир. Бессмертный вампир.

Фаринелли – человек? Увы, но он уже давно только голос. Бессмертный голос.

Однако вампир – сверхвitalен, а от голоса умершего кастрата можно забеременеть. Каждый из персонажей по-своему парадоксален.

Вот как описывается этот несчастливый брак:

*Страшнее, чем нож в бок,
Когда на тебе он взмок,
А для тебя – лишь долг.*

...

*Он меня по-стахановски:
Свыше нормы,
Будто тело моё – порода.*

То, что делает brutальный шахтёр, называется уестествление. В данном случае это слово надо понимать не только как «сношение», но и буквально – «приведение к естеству», «унижение до уровня природы». Связь эта для женщины – унижительна, и опять буквально: её принижает к земле, царству Носферату и источнику его сил. К той самой земле, из которой была вынута вскормившая его порода, терриконовая сиська.

Итак, имеем: с одной стороны – прекрасный «век кастратов», ушедший в небытие; с другой стороны – нынешний «век Носферату», который «страшнее, чем нож в бок». Как тут не вспомнить мадам Забужко: «украинский выбор – это выбор между небытием и бытием, которое убивает». Вообще, стихотворение Елены заметно перекликается с «Полевыми исследованиями украинского секса». Героине Забужко тоже на сюжетном пути постоянно встречаются (цитирую одну рецензию) «мужчины из низшей касты – жлобы, украинская разновидность homo soveticus, которые и говорят исключительно по-русски, и никакой проблематикой особенно не загружены (изнасиловать, правда, могут, даже по телефону), и вообще – жизнью довольны “на все сто”».

И наконец, из уст героини имеем откровенное:

*А здесь всё пропахло совком
И потрахано молью
И всё же Европа.
А значит, свободной
Быть модно.*

«Пропахло совком» – или, как выразился интеллектуальный лидер оранжизма Юрий Андрухович, «мы в нашей стране заражены Россией».

Если мы учтём символизм прозвучавшей в стихе географии, а также примем гипотезу, что безымянная лирическая героиня

стихотворения отождествляется с Украиной (или с её частью), то получим следующее: Украина изменяет своей опостылевшей природной сущности с Духом Свободы европейского происхождения.

Изложение стиха предельно субъективно, и интересно поразмыслить, что же находится за гранью этой субъективности. Я попробую сделать скидку на особенности восприятия лирической героини и задамся крамольным вопросом – может, дело обстоит намного проще, чем она излагает?

Разве Носферату – злодей? Даже по словам его жены ясно, что – ничуть. Он низменный, грубый, «чокнутый», вечно голодный мужик. Просто он нелюбим. Вместо того чтобы радоваться избытку его жизненных сил, жена страдает от банальной несовместимости. Причина её – в принадлежности супругов к разным социальным классам. Он – пролетарий и мужлан, она – интеллектуалка и тянется к изящному и творческому.

На самом ли деле Носферату – вампир? Да полноте. Это – не более чем прозвище от «любящей» супруги. Женщина попроще сказала бы: «кровосос проклятый». Однако, руководствуясь внешним сходством, наша героиня не замечает сущностной разницы. Ведь шахтёр и вампир метафизически противоположны. Вампир поднимается из царства мёртвых, которому по праву принадлежит, в царство живых – с целью дать смерть. Шахтёр спускается из царства живых в царство мёртвых с целью добыть то, что людям жизненно необходимо.

Наконец, героиня беременна – не мелодией, не идеей, а живым ребёнком. Сама она считает, что беременность наступила от «залетевшего к ней ласточкой голоса». Позволю себе и в этом усомниться. Фаринелли дважды мёртв – как мужчина и как человек. А Носферату – не просто жив, он полон жизненных сил, он её оплодотворяет «свыше нормы». Другой вопрос в том, что при такой «любви» предпочтёшь считать отцом ребёнка хоть случайно залетевшую ласточку, только не собственного мужа. Надо, впрочем, отдать должное нашей мечтательной героине и изобретённой ею высокохудожественной версии с лёгким налётом декаданса.

– Будет сын? Значит, будет шахтёром.

С точки зрения героини, её сын обречён на вовлечение в дурную бесконечность, этакий цикл самоподдерживающейся кондовости – в то, что она сама называет «веком Носферату». Несчастливая женщина испытывает обречённость: из этого замкнутого круга не вырваться, даже акт единичной измены, оказывается, работает на продолжение естественного порядка вещей.

Этот естественный порядок, замкнутый круг, действительно существует. Называется он человеческой жизнью: рождение, труд, любовь, дети, смерть. Носферату действительно бессмертен, но это не извращённое посмертие вампира, а живое бессмертие человеческого рода.

Если всё же сделать предположение, что стихотворение Елены является зеркалом оранжевой алхимической измены – будущее этой измены представляется удивительно бесперспективным.

Во-первых, страшный донбасский шахтёр, согласно стиху, чувствует себя прекрасно и полон сил.

Во-вторых, героиня «остаётся в Краснодоне». Она понимает, что её любимый давно похоронен, и в Европе её никто не ждет. В-третьих, не так уж важно, от кого был зачат ребёнок – вскормит его всё тот же терриконовый сосок и будет он, по-видимому, действительно шахтёром.

Носферату побеждает по всем позициям, и, как положено неотягощенному рефлексией мужлану, сам этого не замечает.

2007

ДОНБАССКИЙ ИМАЖИНЭР. НОКТЮРН. ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ВОЙНЫ

(связка писем другу для поднятия боевого духа)

На свете счастья нет, но есть покой и воля.

А. С. Пушкин

1

Заметки на полях войны.
Окопная строка, в которую вписали
Солдат, как буквы. Ты
Один из них.
И мой эпистолярый
Прочтёшь едва ли.
Может быть,
Потом.
Вернись живым.
И мы друг друга снова прочитаем
И перечтём.
Пусть память сохранит,
Как вырываясь из глубин гортани,
Как поцелуй, как лёгкое дыханье,
Живое слово нас соединит.

2

Заметки на полях войны.
Ты полон злой решимости, отваги,
Ты пишешь их, а я пишу стихи
Тебе, традиционно на бумаге,

И письма, не e-mail, а от руки,
Забывтое искусство древних магий
Творить из рифм и ритмов
Новый мир.
Ты воссоздашь его из словосочетаний,
Из почерка, как кружевной узор,
La letter ouvre le secret du Coeur. *

3
Заметки на полях войны.
Что написать тебе, наследник Титуреля?
Ты думаешь, приходит наше время
Осуществить увиденные сны,
Но будем до конца честны,
Всё то, о чём нам ангелы напели,
Как гули, в изголовье колыбели,
Лишь гул, который мы
Разбить пытаемся на ямбы и хорей,
А разбиваем лбы.
Здесь Монсальват – громада террикона.
А чаша – это банка самогона.

4
Заметки на полях войны.
Жизнь, сделав поворот, меняет вектор,
Ты был филологом, поэтом,
А стал солдатом. Боевик
И террорист, как пишут СМИ,
Им в тон гудит Ахметка, *
И мне на ум одна приходит мысль,
Что, если ты стреляешь так же метко,
Как пишешь, – будет в этом смысл.
Умолкла муза. Снова перестрелка.
И я пишу тебе: «Держись.
Post scriptum. Обнимаю крепко».

* Письмо открывает тайну Сердца (с фр.).

* Забастовки на предприятиях, принадлежавших донецком олигарху Ренату Ахметову, сопровождалась включением мощных сирен-гудков.

5

Заметки на полях войны.
Во имя новорожденных республик.
Заметки на полях весны
И революции, объединившей наши судьбы.
Здесь ломоть развалившейся страны,
Который Родиной зовём и я, и ты,
Как хлеба шмат, в зубах голодной хунты,
Но рифма просится, прости,
Что не сдержалась: х.. им.

6

Заметки на полях войны.
Жизнь набело. Её не перепишешь.
Людская кровь не сок пунцовых вишен
И не чернила. Некого винить,
Кроме себя. Храни тебя Всевышний.
Мечтаю я: мы сядем визави
И скажешь ты: «О нас напишут книжки.
И фильмы снимут тоже, может быть,
О том, как познают мальчишки
Кровавый жаркий вкус борьбы,
А девочки уже не понаслышке,
А наяву боль узнают любви».

7

Заметки на полях войны.
Ты говоришь мне, что у вас спокойно,
И выстрелы пока что не слышны,
И умирать, наверное, не больно,
Ты говоришь, у вас там соловьи,
И степь ковыльная колыхается, как море,
А я читаю хроники в Сети:
Тот ранен, тот убит, тот похоронен.
И счастье, не успевшее войти
В мой дом, готово обернуться горем.
И я твержу любимые стихи:
«На свете счастья нет, но есть покой и воля».

2014

ДОНБАССКИЙ ИМАЖИНЭР. ДИУРН. ПОСЛЕДНЯЯ ОБОЙМА

*И воистину светло и свято
Дело величавое войны...
Николай Гумилёв*

1

Последняя обойма разрывных...
И умирать, наверное, не больно,
Но выстрелы пока что не слышны
И степь ковыльная колыхается как море...
Пишу заметки на полях войны,
Обрывки дневников и хроник.
Здесь у обрыва обнажились корни, –
Вот так и мы
Цепляемся за пядь родной земли,
В которой нас однажды похоронят.
Пока мы живы. Молоды. Пьяны.
Надеемся и держим оборону.

2

Последняя обойма разрывных...
А как без них родится новый топос,
Когда мечта в проекции на плоскость
Не знает политических границ?
Мы повзрослели в 90-х,
Мы постарели в нулевых,
Но новый русский станет новоросским,
Чтобы остаться у контрольной высоты,
И звёздную отряхивая пыль
С солдатских берцев и берёзки*
Шагнуть в бессмертие, где русские берёзы,
Как сёстры не наплачутся над ним.

*берёзка – разновидность камуфляжа.

3

Последняя обойма разрывных...
Сержант не знает то, что он покойник.
Ещё он жив. Смеётся. Занял столытник
До выходных...
Несказанная речь стекает глоткой.
И ненависть течет по веткам жил.
И корка серого над горькой стопкой:
Не дожил.
А из спины, куда вошёл осколок,
Вдруг – пара крыл.

4

Последняя обойма разрывных...
Прошу тебя, пиши мне, если сможешь,
Знай, для меня, нет ничего дороже
Связавшей нас мечты,
И русской неожиданной весны.
Здесь на войне, я ощущаю кожей
И смерть, и жизнь!
Здесь каждое мгновение – возможность,
И говоря «быть может»,
Мы понимаем: может и не быть.

5

Последняя обойма разрывных...
Последний для себя, коль карта бита.
Наш старый мир исчез, как Атлантида –
Чёрт с ним.
Сомкнутся волны трав. Утихнут битвы.
Останутся лишь песни и молитвы,
И в них
Упоминания имён и позывных,
И наша память, как кариатида –
Опора человеческого вида,
Их сохранит.

6

Последняя обойма разрывных...
Кто выживет, тем долго будет снится
Война, однополчане-пацаны,
И скифских баб обветренные лица.
Со школьной нам известная скамья
Строка сегодня, как БЛОКбастер, повторится:
Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы...
А может, евразийцы.
Для вас, Европы сытой холуи,
Зажглись артиллерийские зарницы!

7

Последняя обойма разрывных...
Гремят артиллерийские дуэли,
И нас отпетых уж давно отпели
Степные суховеи. Как шмели,
Жужжат шрапнели.
И шмели*
Плюют огнём. Нет ни земли
Ни неба.
И древнее «иду на вы»
Из тьмы столетий
Достаю нам на потребу.....
Вершится дело величавое войны!
Вершится треба!

2017

**шмель – реактивный огнеёт, самое мощное оружие пехоты.*

ГЕРОЙ И СМЕРТЬ В ДОНБАССКОМ ИМАЖИНЭРЕ: ВОССТАТЬ ИЛИ ПОДЧИНИТЬСЯ?

В 2014 году началась война Украины и Донбасса, которая продолжается по сей день. Военные события ставят под угрозу само существование народа и для предотвращения угрозы требуют единства социального действия. Поэтому в военный период востребованы культурные смыслы, которые обеспечивают такое единство, и культурные архетипы, служащие образцом социального действия для предотвращения угрозы. Война порождает героев, и эти герои находят отражение в литературе и в поэзии со времен военного эпоса до наших дней. Встреча героя со смертью – центральный конфликт сюжета военной поэзии. Герой побеждает смерть или склоняется перед ней?

По словам луганского философа Виталия Даренского, образ прохождения через символическую смерть объединяет такой круг тем, как самоотождествление автора с погибшими, вещание из инобытия, венчание со смертью. Образ символической смерти ярче всего воплотился в стихотворении Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом». Новая война, пришедшая на русскую землю, пробудила эти образы и дала им новое воплощение в современной поэзии Донбасса. Рассмотрим прохождение через символическую смерть в двух поэмах Елены Заславской, объединенных под названием «Донбасский имажинэр».

Для структурирования материала поэм использованы идеи французского социолога, антрополога, философа Жильбера Дюрана, который делит имажинэр – сферу воображения человека на режимы диурна и ноктюрна.

Имажинэр – центральное понятие социологии воображения, которая была разработана Дюраном в 1960-е гг. как масштабный синтез антропологических и социологических идей раз-

ных ученых XX-го века: К. Г. Юнга, Р. Вильгельма, Р. Отто, М. Элиаде, А. Корбена, К. Кереньи, А. Портмана, а также представителя неорационализма Г. Башляра. Имажинэр – первичное антропологическое свойство человека. Имажинэр включает одновременно следующие аспекты: воображение как способность; то, что воображается; того, кто воображает; сам процесс воображения; общую основу, которая предшествует всем этим аспектам и формирует их.

Центральное положение социологии воображения следующее: имажинэр всегда взаимодействует со смертью. Воображение работает только потому, что впереди него, вокруг него существует смерть. Символом смерти является время. Именно способы воображать смерть и относиться ко времени становятся основой всех мировых мифологий и философских, религиозных, литературных систем, которые оформляются на их основе.

Дюран делит всё содержание воображения на три большие группы и два режима.

Группы имажинэра называются также схемами и структурными полюсами. Это героические мифы, драматические мифы и мистические мифы. Два режима имажинэра называются дневной и ночной, то есть диурн и ноктюрн. Диурн включает в себя только героические мифы, ноктюрн включает две группы мифов – драматические и мистические. Основанием этой классификации Дюран считает рефлекс новорожденного человека – каждой группе мифов соответствует свой доминантный рефлекс. Рассмотрим режимы имажинэра подробнее.

В основе героических мифов режима диурна лежит движение разделения. Базовый рефлекс, формирующий эту группу мифов, – рефлекс вставания, который реализуется в том, что в полгода, в год ребенок начинается садиться и вставать. Отношение к смерти в режиме диурна – резкое неприятие. Смерть – антагонист, вечный враг, с которым невозможно существовать в одном мире, смерть должна быть отторгнута, побеждена. Классический носитель диурнического начала – герой. Его действия – прорывать, разделять, отсекают, вставать и бороться до конца без компромиссов.

Режим диурна воплощается в следующих образах: свет, день, блеск, залитое светом пространство, полёт, стрела, крылья, птица, меч, скипетр. Противоположность свету – тьма, которая воспринимается как нечто абсолютно враждебное, с чем не может быть примирения. Тьма и ночь – абсолютные вра-

ги. Главное в режиме диурна – подняться и встать на борьбу, но подъём чреват падением в бездну. Поэтому бездна, страх и ужас перед ней, выход из бездны – важнейшие образы режима диурна. Бездна в диурне также означает смерть, и в ней не может быть найдено ничего хорошего. С тьмой, ночью и бездной в режиме диурна ассоциируется женщина, которая воспринимается как абсолютная противоположность герою, жизни и свету.

Ноктюрн, который объединяет две группы мифов – драматические и мистические, – основан на эвфемизме. «Эвфемизм» по-гречески означает «благое имя». В режиме ноктюрна главный враг человека, смерть, получает благое имя. На практике реализуется радикальный эвфемизм, когда смерть прямо называется благом, даром, радостью, и нерадикальный эвфемизм, когда смерть воспринимается как зло, но зло терпимое, выносимое, необходимое, имеющее полезные, светлые, приятные стороны. Этим видам эвфемизма соответствует мистический и драматический ноктюрн.

В основе мистических мифов режима ноктюрна лежит антифраза – название явления его антонимом и присвоение его в таком качестве. Базовый рефлекс, который формирует эту группу мифов по Дюрану – дигестивный, поедательный. Съедая что-либо, младенец приобретает опыт поглощения иного, превращения чего-то другого, чужого, враждебного в себя самого. Мистические мифы позитивно переосмысливают женское начало, базовая фигура этого режима – мать. Отношение к смерти в мистическом ноктюрне – всецело позитивное. Смерть приемлема и является благом. Основные образы мистического ноктюрна: насыщенный цвет, подземный мир, чаша как замедленная бездна, царство ночи, земля, вода, море.

Драматический ноктюрн действует как нерадикальный эвфемизм. Этот режим имажинэра основан на сексуальном рефлексе, проявления которого, следуя Фрейдю, Дюран находит уже в младенчестве. Отношение к смерти в этом режиме проявляется в мифах о смерти и воскресении. Смерть есть, но она не окончательна, не абсолютна, за ней последует жизнь. Базовая фигура драматического ноктюрна – танцор, шире художник, ремесленник, то есть человек, занятый повторяющимися действиями. Самое яркое выражение повторяющихся действий, сменяющих друг друга частей цикла – это танец, который присутствует во всех обществах. Образы драматического ноктюрна: лабиринт, дерево, куст, стебель, цветок, созревание, все

виды циклов, искусства и их атрибуты, маски, огниво, эротический символизм, средства передвижения, удвоение.

В части «Донбасский имажинэр. Диурн» представлен поэма «Последняя обойма разрывных», в которой выражено представление о том, что время – враг, а смерть абсолютна. Герой противостоит времени, злу, смерти, всему чужому. Он поднимается на борьбу, чтобы победить или погибнуть. Рассмотрим образы смерти в поэме.

«Последняя обойма» написан уже в ходе текущей войны с Украиной, в 2017 году. Война – это время героизма, борьбы, преодоления смерти и торжества жизни вопреки всемогуществу смерти. Война – священное действие героя, который противостоит смерти. Эта тема раскрыта в таких строках:

*И древнее «иду на вы»
Из тьмы столетий
Достаю нам на потребу...
Вершится дело величавое войны!
Вершится треба!*

Герой этой части описывается следующим образом:

*Сержант не знает то, что он покойник.
Ещё он жив. Смеётся. Занял столярник
До выходных.
Несказанная речь стекает глоткой.
И ненависть течёт по веткам жил.
И корка серого над горькой стопкой:
Не дожил.
А из спины, куда вошёл осколок,
Вдруг – пара крыл.*

Крылья – один из базовых образов режима диурна, и как принадлежность героя подчеркивают его преобразование и победу над смертью.

В части «Донбасский имажинэр. Ноктюрна» публикуется поэма «Заметки на полях войны (связка писем другу для поднятия боевого духа)», в которой выражено представление о том, что время побеждает, смерть сливается с жизнью, является её неотъемлемой частью, формирует реальность. Здесь появляется женский образ, доминирующий в мифах группы ноктюрна. Рассмотрим образы смерти в поэме. Лирическая героиня этого

цикла – девушка ополченца, которая ждёт любимого с войны, следит на военными сводками, мечтает о встрече. Смерть описывается в следующих образах:

*Ты говоришь мне, что у вас спокойно,
И выстрелы пока что не слышны,
И умирать, наверное, не больно,
Ты говоришь, у вас там соловьи,
И степь ковыльная колышется, как море,
А я читаю хроники в сети:
Тот ранен, тот убит, тот похоронен.*

В поэтических образах этих строк показано совпадение смерти и жизни, их взаимное переплетение, единое пространство, которое сформировано смертью, и в котором живёт герой.

Итак, социология воображения Жильбера Дюрана даёт принцип анализа поэтических произведений, который может использоваться для создания предварительного образа поэтического пространства. В то же время реальный текст оказывается богаче схемы, образы разных режимов в поэмах нельзя строго изолировать. Так, в «Последней обойме разрывных» наряду с образами диурна есть и яркие однозначные образы ноктюрна:

*Последняя обойма разрывных...
Гремят артиллерийские дуэли,
И нас отпетых уж давно отпели
Степные суховеи. Как шмели,
Жужжат шрапнели.
И шмели
Плюют огнём. Нет ни земли,
Ни неба.*

Действие диурнического героя – разрывать, разделять. В этом же стихотворении земля сливается с небом. Герои ещё живы, но их уже отпели – жизнь сливается со смертью. Степь предстаёт как лабиринт, в котором на одном уровне сосуществуют жизнь и смерть. В диурническом пространстве присутствуют и образы ноктюрна.

Итак, в двух поэмах «Донбасского имажинэра» можно найти образы и диурна, и ноктюрна. Образы диурна: война как священнодействие, абсолютность жизни, крылья. Образы ноктюрна: возлюбленная, степь как море, смерть как пространство, в

которое помещается человек. Базовый принцип имажинэра – отношение к смерти – проявляется и в диурнической группе образов, и в ноктюрнической. Образы разных режимов непрерывно взаимодействуют.

Образ символической смерти, который был воплощен в поэзии Великой Отечественной войны, реализуется и в военных стихах современной луганской поэтессы, создавая пространство исторической памяти, объединяющее разные военные эпохи одной и той же русской культуры.

Герои современных военных поэм взаимодействуют со смертью по-разному. Диурнический герой встает на борьбу со смертью, отвергает примирение, для него борьба длится вечно. Герой ноктюрна принимает смерть, гибнет на войне, но пространство памяти и культуры делает его бессмертным, сохраняет его подвиг. Оба варианта поведения находят отражение в русской поэзии.

2023

Дело сатира Марсия

МАРСИЙ, ВЫЗОВИ ФЕБА!

Марсий, того ли ты вызывал
Ристаться на флейтах?!
Бога вызови моего –
Прекрасного Феба!

Он требует полной самоотдачи,
Чтобы не чуя почвы
Под сбитыми в кровь ногами,
Днём ли, тёмною ночью
Дойти до предела,
До края!
Марсий, вызови Феба!

Он требует полного отречения,
Чтобы не зная страха,
Стыда за несовершенство
Забрезжилось под рубахой
Свечение
Сердца!
Марсий, вызови Феба!

Он требует полного возгоранья,
Ты осознаешь не сразу,
Что можно выйти за рамки
Только
На пике экстаза!
Марсий!
Вызови Феба!

Он требует полного поклоненья,
Но всё же будь ему равным,
Попробуй коснуться неба,
Воплем своей гортани,
Стань продолжением флейты!
Марсий!
Вызови Феба!

Может, тогда поймёшь ты
Скудным умом сатира,
Как вытащит нож он из ножен:
С ним я
Словно без кожи,
Совсем без кожи,
Чувствую красоту и уродство
Этого мира!
Марсий, вызови Феба!

2016

ПОЭТ БЕЗ КОЖИ – ВАХИЧЕСКИЙ ИЛИ ПОЭТИЧЕСКИЙ ЭКСТАЗ?

Людоедство, оргиазм, вакхический экстаз: ещё одна сторона луганской поэзии

Существует два вида поэзии – поэзия формы и поэзия чувства, которые традиционно связываются с именами Аполлона-Феба, бога строгих форм, и Диониса-Вакха, бога вина и экстаза.

Тема поэтического искусства занимает важное место в творчестве поэтессы Елены Заславской. Рассмотрим, как она раскрывается в образе Марсия, сатира, который вызвал Аполлона на мусическое состязание. Этот эпизод лёг в основу стихотворения Елены Заславской «Марсий, вызови Феба!» (2016). Стихотворение было прокомментировано луганским интеллектуалом, литературным критиком Владимиром Карбанем в «Опытах пристального чтения», так что Марсий теперь связан не только с горной Фригией, где состоялось ристание, но и с Луганском, где оно воспето.

В своем критическом анализе Владимир Карбань приходит к выводу, что Марсий является вторым я поэта. Парадоксальным образом противник бога поэзии Аполлона воплощает в себе поэтическое искусство. Как это возможно?

Аполлон против Диониса

Победивший Аполлона в ристанье на флейтах, Марсий вызвал гнев бога и был убит – с Марсия содрали кожу. Как указывает культуролог и литературовед Татьяна Касаткина, Аполлон как бог, оформляющий мир, в этом случае забрал своё – кожу, которая отделяет человека от мира, придавая ему строгую форму. Как показывают современные исследования античной поэзии и мифологии, Марсий является воплощением Диониса, одного из самых могущественных греческих богов.

Дионис, бог вина, вдохновитель экстатического оргиазма, являлся древним грекам в разных обличиях, в его культе сли-

лось почитание разных героев и демонов, вдохновляющих на буйство и заставляющих терять разум.

В античной мифологии Дионис и Аполлон выступают как божественные противники, враждующие до смерти, но связанные неразрывно. Даже знаменитый оракул Аполлона в Дельфах первоначально принадлежал Дионису-Вакху. Дионис похоронен в подземелье храма, но каждые два года вакханки устраивают обряд его воскресения, когда убитый бог выходит на свет, как прорастающая из земли виноградная лоза, опьяняющая и дарящая вдохновение.

Противоборство Диониса и Аполлона отражено в античной культуре, включая поэзию и музыку. Религиозное значение музыки в античности огромно. Собственно, нерелигиозной музыки тогда не было вовсе. Даже обычные флейтистки на пиру у того же Агафона символизируют жуткие религиозные ритуалы, создавая подходящий фон для бесед о божественных тайнах, которые описал Платон. В цивилизованные времена Платона эти таинства уже редко практиковались и потеряли свою страшную силу. Однако культурная память хранит все смыслы одновременно, и мы можем разобраться, какое значение имеют странные на первый взгляд подробности смерти Марсия – игра на флейте и страшная казнь в виде сдирания кожи.

Ли́ра или флейта?

Вячеслав Иванов в книге «Дионис и прадионисийство» пишет о двух видах музыки, каждая из которых имеет божественное происхождение, но воздействие их противоположно: «Когда, по одному преданию, пиерийские нимфы Эмафиды, в состязании с Музами-Пиеридами, запели, – вся природа запела с ними и явила ей присущее всеодушевление, всеоживление; но подняли голос их божественные соперницы – и потоки вод удержали свой бег, и светила ночи остановились в небе: только Пегас ударом копыта прервал оцепенелое очарование мира... Симонид, изображая волшебную силу песнопений Орфея, говорит, что ветерок не смел прошелестеть в листве, дабы не нарушить медвяной мелодии».

Эти два вида музыки связывались с двумя видами музыкальных инструментов: лирой и флейтой. Ли́ра Аполлона погружает мир в безмолвие, создаёт истинный покой: «чистая гармония, которой владеют Музы, есть недвижимый покой бытия,

застывшего в прекрасном богоявлении космоса». Авлетика, игра на флейте, создаёт оргиазм и экстаз, заставляет человека и природу выходить за свои пределы и терять разум. Флейта в этом смысле является инструментом магическим и однозначно связанным с экстатическим буйством. Это соотношение мистических проекций двух музыкальных строев выражается в сказании о том, что флейта была брошена Афиной, олимпийской богиней, богиней разума, и поднята Марсием, дионисийским героем.

Людоедство в дионисийской религии

В дионисийской религии выход за пределы не только разума, но и тела проявляется в ритуалах, связанных с уничтожением телесности, разрыванием бога на части.

Одна из важнейших ипостасей Диониса – младенец, раздираемый на части титанами и поедаемый живьём. Титаны совершили преступление, убив божественного младенца Диониса, но в результате он оказался внутри их тел и титаны обрели божественные свойства, причастились бессмертию.

В древности ритуал пожирания божества стал залогом возрождения и возвращения на землю. Как оживает после зимы виноградная лоза, так оживёт каждый причастный Дионису. Это самое главное известное грекам причастие божественной плоти и божественной силы. Таким образом, омофагия, то есть священное поедание растерзанной жертвы, была в древности религиозным обрядом из дионисова круга ритуалов.

Так, мифографы и поэты рассказывают историю о Пелопсе, которого отец его, царь Тантал, убил и подал богам на ужин, чтобы проверить их проницательность. Боги всё поняли и не стали есть, лишь Деметра, будучи в печали из-за пропажи своей дочери Кору, мимодумно съела кусочек. Боги наказали наглого отца танталовыми муками, а сына воскресили, и вместо съеденного Деметрой кусочка сделали плечо из слоновой кости. С тех пор у всех потомков Пелопса ярко-белое пятно на правом плече. Поедание ребёнка, в котором участвуют боги, относит эту историю к кругу Диониса.

Сказание о Пелопсе – позднее свидетельство той поры, когда в религиозных целях практиковалась омофагия. В нём уже видна попытка дать разумное и цивилизованное объяснение присутствию богов на таком пиршестве, им приписываются благородные мотивы, всячески демонстрируется, что они не

имеют к этому отношения. Но само место действия и собранные в этом месте персонажи показывают, что перед нами древний страшный ритуал. Ещё одно явление дионисийского героя мы находим в мифе о Тезее.

Дионис, Тезей и Ариадна

Дионис был издавна связан с Критом. Как показывает антрополог Карл Кереньи в книге «Дионис: прообраз неиссякаемой жизни», Дионис на Крите был Зевсом небесным и подземным, то есть Зевсом и Аидом, царил над живыми и особенно над мёртвыми. Лабиринт, в котором Тезей нашёл и победил Минотавра, это известный многим культурам символ смерти. Вряд ли создатели доброго советского мультфильма о Тезее думали о хтонической ипостаси Диониса, однако они сохранили эпизод о том, как Дионис отобрал Ариадну у Тезея, и сохранили тем самым память о древних критских ритуалах.

Мэри Рено не упустила возможности изобразить такой вакхический ритуал в своем великолепном романе «Тезей». Именно после участия Ариадны в обряде дионисийской омофагии на Наксосе Тезей оставляет её на острове. Сын Посейдона знает, что нарушил клятву, и будет за это наказан в царстве Аида, но как человек нового мира он не может сохранять у своего народа тот древний хтонический ужас, в котором Ариадна не видит ничего страшного и чувствует себя как дома. Окружающим Тезей объясняет свой поступок тем, что ему явился Дионис и потребовал оставить в покое его невесту, и это на самом деле правда.

Позднейшая рационалистическая трактовка этого союза Ариадны с Дионисом заключается в том, что Ариадна спилась от горя. Однако Дионис столько же связан с вином, сколько с раздиранием на части и пожиранием. Разновидностью раздирания на части является сдирание кожи – древний религиозный ритуал религии Диониса.

Марсий, того ли ты вызвал ристаться на флейтах?

Теперь мы можем по-новому взглянуть на историю Марсия, воспетую Еленой Заславской. Марсий играет на флейте, и с Марсия сдирают кожу, то есть разрывают его на части. Обе эти черты однозначно связывают Марсия с Дионисом. Флейта –

музыкальный инструмент, вызывающий вакхический экстаз. Разрывание на части – отличительная черта дионисийского ритуала. Марсий – это ипостась дикого Диониса, который своей могущественной музыкой разрушает всё разумное и гармоничное.

Вот в чём причина враждебности Аполлона к Марсию: бог света и разума, дающий всему форму, не терпит экстаза и природного буйства. Марсий претерпевает судьбу Диониса. Игра на флейте, оргиазм и экстаз выносятся за границы иерархии мусических искусств, однако не могут быть уничтожены.

Марсий наносит ответный удар

Как пишет Владимир Карбань, в стихотворении Елены Заславской нельзя не заметить восхищения попытками Марсия дойти до предела, бросить вызов богу. Также и в античности есть мифы, в которых Масий наносит ответный удар.

Известна история, в которой музыканта разрывают на куски – это история об Орфее. Орфей знаменит тем, что благодаря своей музыке вышел живым из царства мёртвых.

Путешествие Орфея в подземный мир за женой Эвридикой завершилось тем, что он не смог её оттуда вывести, однако сам он вернулся, и не потерял памяти, и не переродился в другую форму, как перерождается зерно, чтобы воскреснуть. Орфей как человек, избежавший смерти и живым вышедший из ада, стал главным символом древнегреческого религиозного движения орфиков. Орфики надеялись найти музыку и ритуал, который поможет им повторить деяние Орфея. Орфическое учение повлияло на Платона, орфики – положительные герои знаменитого советского романа об античности – «Таис Афинская» Ивана Ефремова. Это целая традиция, однако сейчас не о ней.

Орфей умер, растерзанный вакханками, служительницами Диониса. Орфей – кифаред, лирник, он играет на лире замиряющую музыку, он служитель Аполлона. В лице Орфея отмищается Дионис-Марсий. Уравновешенная музыка формы замещается чувственной стихией экстаза.

Марсий в Луганске

В стихотворении Елены Заславской «Марсий, вызови Феба!» Марсий выступает прообразом поэта, который, оставшись без

кожи, чувствует «красоту и уродство этого мира», а состязание с Фебом и жестокое наказание переосмысливаются как поэтическое вдохновение, посланное Фебом, дающее возможность человеку изобразить в слове наш человеческий мир.

В стихотворении Елены Заславской о Марсии есть строки:

*Марсий, вызови Феба!
Он требует полного возгоранья,
Ты осознаешь не сразу,
Что можно выйти за рамки
Только
На пике экстаза!*

От поэта выхода за свои пределы требует Феб, однако по сути это является описанием дионисийского экстаза. В этих строках поэтически совпадают Феб и Дионис, что является одной из мистериальных тайн древнего дельфийского оракула.

Таким образом, античная мифология подтверждает интуицию луганского критика Владимир Карбаня: противник Аполлона Дионис гибнет, но вносит свой вклад в создание поэзии. После своей страшной гибели Дионис вечно возрождается, чтобы начать всё сначала, чтобы доказать бессилие смерти и могущество человеческой эмоции. Аполлон даёт форму экстазу, и в этом единстве противоположностей заключается подлинная сила поэзии.

2020

Дело Русалки

НЕМО

1

Седой рапсод,
Бродяга-инфлюэнсер,
Я расскажу тебе историю свою,
Я на ухо беззвучно напою
Песнь песен,
А ты потом пропой её другим,
В пылу пирушки,
И в пылу войнушки
Рождённую, вмещённую в стихи
Стихию,
Будоражащую душу,
Про затонувший город, город Лу,
Луганстеров и чёрных флибустьеров,
Про идолов, хранящих Дикий Луг,
Ещё жрецов грядущей новой эры,
Про то как смерть поймала на блесну
Меня, русалку из затерянного града,
Как жизнь нас тянет медленно ко дну,
Туда, где морок, тишина, прохлада...
Ещё про свет родных зелёных глаз,
В них утонуть нисколечко не страшно.
И каждый раз – всегда последний раз,
А остальное всё не важно.

Пропой, рапсод, истории мои!
Кто посмеётся, может, кто заплачет.
Жизнь ничего не значит без любви.
Да и с любовью ничего не значит.

2

– Не пиши стихов.
А пишешь – не публикуй.
А публикуешь – не посвящай.
Пообещай!

– Какое дело тебе до моих поэм?
Ты будешь не узнан,
Не назван.
Мистер Никто. No name.

Никто не узнает, где мы
Пересеклись с тобой.
Пусть начнётся поэма,
Таинственный мой герой.

3

Раньше наш город звался Луганжелесом,
Прежде, чем затонул.
Почитайте Хроники Марсия
Про войну.
Раньше был Марсий луганстером,
А теперь рапсод.
– Марсий! Есть ли жизнь после Апокалипсиса?
– Как кому повезёт.

4

Я вглядываюсь в линию горизонта
Рядом со мною жрец, позывной – Скиф.
Наш город давно под водою.
Город-легенда, миф.
Кто же его придумал?
Жив он или погиб?
Скиф говорит, что пули
Похожи на стайку рыб.
Нет, говорит, нам покоя,
Исчезнем мы без следа
В пучине Дикого Моря,
Которое было всегда.
И тянется до горизонта,
Плодит кочевые сны.
И ходят ковыльные волны
Под ветром степным.

5

– Ты знаешь, куда она смотрит
Своими слепыми глазами?
Вдаль? За линию горизонта?
– Нет. Она наблюдает за нами!

Посмотри ей в лицо.
Знай, безмолвие только приманка.
Посмотри ей в лицо.
В нем ни жалости нет, ни обмана.
Посмотри ей в лицо.
Спит подводная лодка кургана –
Субмарина, полная мертвецов.

И увидишь,
Как скифская баба,
Поля Дикого, Моря Великого
Богородица камнеликая
Выбирает себе жрецов.

6

...Здесь, на плоскости маргиналий,
Мы так долго друг другу с тобой не писали.
Там, где адрес – давно обозначен прочерк.
Там, где имя... оно проступает на сердце лишь ночью
Безнадёжной тоской, несказанным предательским зовом.
«Я приду за тобой даже в чёртов затерянный город.
И в тюрьму, и в дурдом, и в забытый людьми лепрозорий.
Знаешь, боль проступает на теле узором.
И любовь проступает на теле узором.
Лихорадкой, румянцем, блистательным взором.
Пусть же очи твои мне сияют, как два маяка среди ночи.
В многолюдном движении и в тишине одиночеств.
Я направлю к тебе свой корабль блуждающий, пьяный, разбитый,
Спотыкаясь о рифы, о рифмы, о ритмы
И по звёздам сверяя свой курс в океане событий»...

7

Над головой,
Будто чёрные вороны
Чёрные дроны летают,
Чёртовы роботы,

Новые вестники,
Горя валькирии!
Что вы несёте нам
На электронном носителе?

– Разве не видите?
Образы гибели!

8
Из рога единорога
Хорошая выйдет пушка.
Ею можно на мушку
Любого
Киборга или Дрона.
А ещё лучше
Дракона
Стального.
Ну же!
Сразим летящую падлу!
Падает.
Прямо над нами.
Звездопадом.

9
Зов Моря. Гул. Протяжный зуммер,
Когда ракушку телефона
Прикладываешь к уху,
Ждёшь, что я откликнусь, вынырну
Из мутного потока,
На выученный номер отзовусь,
Приду на голос твой,
Раба сердечной спайки.
Тверди мой позывной,
Лови свою русалку!
В сетях мобильных невелик улов.
И в море русских слов –
Вот звука пузырёк,
А вот песчинка знака.
Я как жемчужину храню под языком
Родное имя – тайну.

10

Имя всегда означает путь.
Имя всегда означает суть.
Как только по имени позовут
Из ниоткуда вызовут, призовут.
Потому я дам тебе позывной,
Чтоб имя не ведал – ни свой,
Ни чужой,
Чтобы был он тебе, как броня
Среди Поля Дикого,
Среди Моря Великого
И огня.

11

Чёрное золото.
Прямо из жил земли.
Шахты ныне затоплены.
Шныряют пиратские корабли.
Чёрное золото
Прямо из самых недр,
Скиф протирает оптику,
Весь как натянутый нерв.

А я... я слагаю песни,
Заслушаешься, и вот
Тонкое лезвие поэзии
По сердцу полоснёт.

– Скиф, отпусти на поверхность
Окликнуть свою любовь!
– Плыви, но не пой свои песни,
Пусть узнает тебя без слов!

12

Дикое Поле. Великое Море.
Здесь всё затопили воды народного гнева.
И пьяные флибустьеры гоняют на чёрных фрегатах,
Оставленных или отжатых,
Freedom Forever!
– Скажи его имя, русалка!
Скажи его имя!

Немо!
Да я бы тебя позвала
Сквозь пространство и время,
Пронзительным воплем
Из самого сердца,
Но алая пена
Выходит из горла –
Моя немота,
Моё горькое рыбье наследство.

На палубе голой распластана,
Жабры трепещут.
Крючком рыболовным поддета –
На радость пиратам.
Штиль полный. И волны не плещут.
Безмолвствует небо.
Но если захочешь найти,
То иди по кровавому следу!

13
Когда же, Немо,
Ты придёшь на берег,
Что вынесет к твоим ногам прибой?
Жемчужину?
Ракушку-телефон?
Или мою поэму?
А может,
Ты моё имя, лёгкое как пена,
Услышишь в шуме волн....

...Елена...

2019

КАК ОБРЕСТИ ЗАПРЕТНУЮ ЛЮБОВЬ?

Как рождаются жемчужины? В раковину попадает достаточно крупная песчинка, осколок или даже рыба косточка. Инородное тело причиняет хозяину огромное неудобство, и тот начинает обволакивать, окутывать её собственным перламутром, слой за слоем. Застывая, слои формируют прекрасную жемчужину: в буквальном смысле, плод страсти и страдания. Так порой чувства и переживания, которые мы маркируем как причиняющие боль, надежно сокрытые за плотными створками души, могут породить неопишущую красоту идеальной формы.

Произведение Заславской «Немо» – это не просто редкий образец любовной лирики, романтизма и русской волшебной поэтической традиции. Это ещё и многослойный, многообразный морской квест.

Главная героиня, русалка, сама по себе персонаж неоднозначный в прямом смысле – это существо раздвоенной природы, наполовину человек, наполовину – рыба. Сказки о русалочках создают контекст – они могут жить как в море, так и на суше, если обменяют у какой-нибудь колдуньи свой прекрасный голос на парочку не менее прекрасных ножек. Но что делать, если нет больше никакой суши? Город, в котором живёт русалочка, затонувший, а её возлюбленный – даже не принц, а загадочный Немо.

Немо – обитатель другой реальности, а значит, мы имеем дело с сюжетом невозможной, неравной, запретной любви. Это один из основных мировых сюжетов, как минимум, он чуть ли не обязателен в индийских сказках, пьесах и даже современном Болливуде. К нему относится не только любовь между представителями разных каст и верований, но и разных миров: реального и сказочного, либо натурального и духовного. Если русалочка – дитя моря, то назовем Немо жителем земли:

*Когда же, Немо,
Ты придёшь на берег,
Что вынесет к твоим ногам прибой?*

Немо не нужны превращения русалочки, не нужны жертвы, не нужны и стихи-посвящения. Он хочет оставаться анонимом, ибо понимает отсутствие будущего и опасность неравной любви. Поэтому свой голос главная героиня использует не как разменную монету, а чтобы поведать свою историю фавну Марсию:

*Седой рапсод,
Бродяга-инфлюэнсер,
Я расскажу тебе историю свою.*

Мы знаем, что рапсоды – это странствующие певцы, бродяги, словом, номады. О Марсии будет немного позже, а пока стоит обратиться к кочевому мотиву поэмы, проходящем через все произведение нитью, на которую нанизываются жемчужины. И не только потому, что через образ моря в «Немо» проступает бескрайняя степь, чудесные луга и Дикое поле. В общем-то, разницы между морем и степью нет: и то, и другое – необъятный и неконтролируемый простор. Тут мы вытаскиваем и обтираем пыльцу с концепций Делёза-Гваттари о типах пространства (шутка, у нас они обычно не успевают запылиться). Вышеупомянутые море-поле относятся к так называемым гладким пространствам. Это не значит, что море гладкое и безмятежное, отнюдь. Гладкое – это непрерывная вариация, развитие формы, слияние гармонии и мелодии ради извлечения чисто ритмических значимостей. Морская модель – так в «Тысяче плато» характеризуется этот тип пространства. Именно оно есть прибежище пиратов, рапсодов, кочевников. В гладком больше всего свободы и коммуникаций, можно плыть в любом направлении, и при этом всегда находиться на своём месте. Оно в большей мере заполнено событиями или эвостями, нежели оформленными и воспринимаемыми вещами. А кочевники таковы именно потому, что они не движутся, не мигрируют, удерживая гладкое пространство, которое отказываются покидать. Город, в противовес морю, относится к так называемым рифлёным пространствам. Они характеризуются оседлостью и некой стабильностью. Но затопленный город из поэмы, Луганжелес – место, где одновременно сосуществуют оба пространства. Он – не граница и не столица, а нечто на пересечении границ. Грубо говоря, если у кочевников, сатиров и русалок есть города, то Луганжелес один из них. Словом, место действия поэмы происходит в номадической топологии постмодерна:

*Наш город давно под водою.
Город-легенда, миф.
Кто же его придумал?
Жив он или погиб?*

Причём, особенность обоих пространств в том, что они взаимонакладываются, чередуются, переходят друг в друга. Только в истории это занимает века, а в мифе это время между набегом волн. И необузданное море, и дикое поле – это простор. Это слово не имеет эквивалента в западноевропейских языках (потому что у них достаточно зарифлёная реальность), простор происходит от древнего санскритского *prastara* – плоскость. Как утверждает технотеолог М. Куртов: «никто не может контролировать простор, море это тот простор, на который нет контроля».

Наконец, море – вода. Это жидкий кристалл, но она совершеннее кремния, её резерв памяти не ограничен структурой. Случившееся затопление города новой данностью рождает новые смыслы (флибустьеры, жрецы), связи (гладкие, горизонтальные), средства коммуникации (телефон-ракушка).

В «Немо» само волшебство и чудесные гаджеты, например, ракушка и рог единорога, противостоят технологиям извне:

*Из рога единорога
Хорошая выйдет пушка.
Ею можно на мушку
Любого
Киборга или Дрона.*

Оружие в степях исключительно магическое, а не электронное и металлическое. Мир же вне мифа – технократический мир, несёт ужас и смерть:

*Над головой,
Будто чёрные вороны
Чёрные дроны летают,
Чёртовы роботы,
Новые вестники,
Горя валькириш!
Что вы несёте нам
На электронном носителе?*

В морской модели, в отличие от оседлой, Военная Машина не имеет своей целью войну и производство оружия массового поражения. Война здесь существует как средство для предотвращения возникновения «органов власти» и централизованного насилия. Даже воины в мифологическом гладком пространстве названы «жрецами». Они не солдаты, но служители Камнеликой Богородицы:

*Я вглядываюсь в линию горизонта
Рядом со мною жрец, позывной – Скиф.*

Ещё один интересный объект гладкого пространства – курган. Он проступает со дна в поэме, как субмарина с мертвым экипажем:

*Спит подводная лодка кургана –
Субмарина, полная мертвецов.*

По сути, кочевники создавали курганы не только как индивидуальные гробницы, но и как братские могилы. Курганы всегда охранялись идолами – скифскими илиполовецкими бабами. Те, которые держали в руках младенцев, назывались Чёрными Мадоннами. По одной из версий, это образ Изиды с воскрешенным сыном Тамзуком. Подлодку же можно сравнить с ковчегом. Ковчег – символ жизни, а курган-субмарина – образ смерти. На самом деле, разница между ними тоже небольшая, потому что и тот, и другой напоминают одновременно о начале и конце.

Марсий, которому поручено увековечить эту поэму, – рапсод, таких называли «сшиватель песен». Вместо жезла, положенного рапсоду, у него в руках флейта. По легенде, Афина выкинула этот инструмент, так как не смогла овладеть искусством игры на нём. Говорят, причина была в том, что богиня постоянно смотрелась в зеркало. Марсий же стал мастером благодаря самоотдаче, он играл и пел нимфам и сказочным существам, а однажды вызвал на поединок самого Аполлона. Марсий – сатир, выступивший против бога. Это ещё один символ неравной борьбы и отваги. Христианские моралисты считают Марсия воплощением гордыни. Однако даже избранный им инструмент считался «простонародным» – не то что лира Аполлона. Флейта якобы вызывала низменные, «дионисийские» страсти, тогда как лира настраивала на возвышенный лад. То, что геро-

иня доверяет свою историю Марсию, намекает на предпочтительные фольклорного и языческого перед «элитарным» и божественным.

Всё, что населяет гладкое пространство, постоянно проходит через метаморфозы. Марсий, проигравший состязание, был освежён Аполлоном. Однако, он был приобщён к богам, а содранная кожа символизировала внешнюю косную оболочку, сбросив которую рапсод обнажает своё истинное внутреннее бытие. Недаром в Риме и колониях на рынках стояли статуи Марсия как эмблемы свободы. Русалочка способна на такую метаморфозу (возможность стать человеком благодаря любви) – но она встречает смерть, будучи «извлечённой» из своей мифической среды обитания. Быть пойманной на блесну (блесна как некая технология-уловка, обман) значит, что именно «природное» приводит её в ловушку.

То, что в конце Елена раскрывает свое имя для Немо, намекает на возможность воскрешения. Знать имя существа – значит, иметь над ним власть, способность вызывать его или её когда угодно, обязывать говорить правду. Во множествах описаний загробной жизни говорится, что мёртвые не помнят своего имени. Русалочка остается жить в памяти моря, в песнях Марсия. Но даже рапсоду она не выдает имя возлюбленного, навсегда защищая его жизнь и свободу:

*Ты будешь не узнан,
Не назван.
Мистер Никто. Но пате.*

2019

КАК ПЕРЕПЛЫТЬ ТРИ МОРЯ – МОРЕ СМЕРТИ, МОРЕ СЛОВ И МОРЕ ЛЮБВИ?

Русская поэзия часто является пространством воплощения философских смыслов. Исторический контекст написания поэтических произведений помогает создать их конкретную реализацию. Одной из универсальных культурных мифологем является образ моря, существующий у многих народов. Море одновременно разъединяет и соединяет разные миры: мир живых и мир мёртвых, прошлое и настоящее, влюблённых из разных стихий. Давайте рассмотрим многоликий образ моря в поэме «Немо» (2019).

История о затонувшем Луганске

Поэма «Немо» состоит из тринадцати частей, написанных от имени разных персонажей. Главные действующие лица поэмы – Русалка, Немо, Марсий, Скиф. Не индивидуализированы, а показаны собирательно пираты-флибустьеры, которые ловят русалку, и враги с которыми идёт война. Главная тема, оформляющая всё художественное пространство поэмы, это море как стихия воды. Это история

*...Про затонувший город, город Лу,
Луганстеров и чёрных флибустьеров,
Про идолов, хранящих Дикий Луг,
Ещё жрецов грядущей новой эры,
Про то, как смерть поймала на блесну
Меня, русалку из затерянного града,
Как жизнь нас тянет медленно ко дну,
Туда, где морок, тишина, прохлада...*

Мифологическое значение моря в русской культуре реализовано и в поэме Елены Заславской. Семантика номинаций водных объектов, включая море, и воды как таковой отражает мифологическую картину мира русской культуры.

Море как локус небытия

В большинстве мифологий вода ассоциируется с женским началом, а вследствие этого связывается с рождением и смертью как базовыми способами бытия. Карл Юнг объяснял универсальность архетипа воды пребыванием человека в материнской утробе и важностью акта рождения. Переход через водную преграду выступает как начало новой формы существования, как переход к рождению или к смерти. На этом представлении основана широко распространенная женская персонализация смерти. Как указывает исследователь религии и мифологии Владимир Топоров, устойчивый мотив «морского» поэтического комплекса связан с дном моря как образом смерти. В системе архетипических образов дно символизирует глубокое ущелье, пропасть. Образ пропасти сближается с гибелью: пропасть значит погибнуть. Берег моря символизирует берег гибели или несостоявшегося рождения.

Как пишет современный культуролог Светлана Кошарная, корни реалионима море уходят в индоевропейский праязык, и на разных языках этой группы море обозначает такие объекты как болото, море, озеро. Этимологически лексема море связана с именем языческой богини смерти Моры (Мары), известной всем славянским народам как Моряна – богиня смерти у западных славян, Марушка – мифологический персонаж-устрашитель, которым в Полесье пугали детей, Мара, которой в северной Руси пугали девушек. Мара типологически во многом сходна с русалкой Мокошью.

Став нарицательным, существительное Мора получило различные значения в разных славянских языках: нечистый дух в украинском, ночной кошмар в болгарском и польском, домовый в сербохорватском и так далее. В это же словообразовательное гнездо входит русское слово умора (от уморить).

Итак, корень «мор», с одной стороны, соотносился с общим именованим водоёмов, а с другой – актуализировал мифологему смерти как перехода через водную преграду. Слово море могло также обозначать смерть как локус – в русском смерть с приставкой присоединения «с» отражает в протозначении присоединение к области нахождения мёртвых.

По представлениям многочисленных архаичных культур смерть является не столько концом жизни, сколько переходом в иную реальность. Такой иной реальностью в русской мифологической картине мира и оказывается море. При этом море

представлено образами «край света, конец реального пространства», «путь до неведомой, далекой, чужой земли».

Понимание моря как пути имеет типологические параллели и в других языках и мифологиях. Различные индоевропейские культуры – древнегреческая, древнеиндийская, архаическая римская – помещают море в семантический ряд пути, дороги, перехода, связывая образ моря с образом перехода в другой мир, в царство мёртвых. Древнерусское слово «дорога» также имело отличное от современного значение и означало «быстрина, узкий залив», то есть «путь по воде». Таким образом, реки воспринимались славянами как пути в иной мир, в то время как море – это уже сам по себе локус небытия, место нахождения персонифицированной смерти – Моры (Мары).

Древняя индоевропейская основа рождает соответствующие образы и в более близкие к нам времена. В записях русского фольклора море выступает как символ неизвестности и гибели. Фольклорное сочетание «синее море» содержит в себе значение «далеко». В связи с этим концептуальное противопоставление суши и моря сливается с противопоставлением близкого и далёкого. Немаловажную роль играет ассоциация моря с кораблём, который выступает в качестве конкретно-образного символа дали как уплывающий далеко.

Итак, образ моря в архаичной русской культуре интегрирует несколько связанных между собой мифологических компонентов: вода, переход в иное пространство, область нахождения мёртвых. Эти мифологемы создают и транслируют концептуализацию моря как иного мира, мира смерти. Рассмотрим, как эти мифологемы реализованы в поэме «Немо», созданной в военном Луганске.

Военный город в степи

Для конкретизации темы моря автор обращается к истории Луганска, которую переосмысляет в свете современных событий, начиная с 2014 года.

Луганск – город сравнительно молодой, он был построен в 1795 году возле Луганского военного завода, первого на юге Российской империи чугунолитейного завода, основанного царицей Екатериной II в ноябре 1795 года. Завод был построен с подачи командующего Черноморским флотом Российской империи вице-адмирала Николая Мордвинова, который настаивал на оснащении российского флота чугунными пушка-

ми-карронадами системы шотландского инженера Гаскойна, требующими качественного чугуна. Вскоре Луганский завод стал основным поставщиком снарядов для Черноморского флота России: бомб, гранат и ядер. Таким образом, при своём появлении город Луганск связан с войной и с морем.

Уже в XX веке Луганск был местом активных военных действий в Первую мировую войну, в период Гражданской войны и во время Великой Отечественной войны, когда город несколько месяцев находился под немецкой оккупацией и был освобождён в феврале 1943 года. Эти два столетия истории Луганска символически выражаются в образе военного города.

Документированной истории последних двух веков предшествует история Дикого Поля, как называли в течение столетий земли Донбасса до создания на этих землях промышленности. Дикое Поле находилось на границе России и степного мира, оседлой и кочевой жизни. Русские поселенцы, которые приходили на эти земли, должны были одновременно возделывать степную почву, неплодородную в отсутствии воды, и защищаться от набегов татар и турок, которые разрушали всё построенное и уводили жителей в плен. Центральный образ, символизирующий этот период луганской истории в поэме, – бескрайняя степь.

От доисторических времён в луганских степях остались так называемые скифские бабы, которые являются памятниками материальной культуры тех бесписьменных кочевых степных народов, половцев и скифов, которые жили в будущих луганских степях. В геологической же древности Донецкий бассейн представлял собой дно моря Тетис. Этот этап древней истории Луганщины приводит к центральному образу моря, который в поэтике Елены Заславской связан также со скифами.

Луганск на дне моря войны и смерти

Основные мотивы истории Луганщины соединились в поэме, формируя главный её топос – море. Луганск в поэме выступает как военный город в степи, и в то же время как город, затопленный водой, город на дне моря.

Война жителей Донбасса против украинских военных сил занимает центральное место в поэме. Тема войны реализована с помощью ряда образов, в которых архаическое фольклорное значение модифицируется реалиями современной войны:

*Над головой,
Будто чёрные вороны
Чёрные дроны летают,
Чёртовы роботы,
Новые вестники,
Горя валькирии!
Что вы несёте нам
На электронном носителе?
– Разве не видите?
Образы гибели!*

*...Из рога единорога
Хорошая выйдет пушка.
Ею можно на мушку
Любого
Киборга или Дрона.*

Дикое Поле – Великое Море

Значительное место в поэме занимают образы степи и моря, которые выступают как синонимы, проясняющие и усиливающие значение друг друга: Великое Море, Дикое Поле, Великая Степь. Ковыльные волны степи бегут как пенные волны великого моря. Ополченец в поэме выражает это следующим образом:

*Нет, говорит, нам покоя,
Исчезнем мы без следа
В пучине Дикого Моря,
Которое было всегда.
И тянется до горизонта,
Плодит кочевые сны.
И ходят ковыльные волны
Под ветром степным.*

Прошлое и настоящее военного города синтезируется также в образе кургана и скифской бабы. Согласно местному преданию, курганы в луганской степи представляют собой могильники, в которых скифы хоронили своих покойников. Курган в поэме выступает как подводная лодка, лежащая на дне моря. Каменная скифская баба представляет собой памятник неведомой культуры, от которой не осталось слов, только каменные

изображения в степи. Среди каменных баб луганской степи известна одна, которая держит ребёнка. Эта фигура, найденная в 1971 году возле поселка Чернухино, получила название Чернухинской мадонны. В поэме образ каменной богородицы и подводной лодки кургана соединяют прошлое и настоящее, дно древнего моря и современное степное пространство военного времени:

*– Ты знаешь, куда она смотрит
Своими слепыми глазами?
Вдаль? За линию горизонта?
– Нет. Она наблюдают за нами!*

*Посмотри ей в лицо.
Знай, безмолвие только приманка.
Посмотри ей в лицо.
В нём ни жалости нет, ни обмана.
Посмотри ей в лицо.
Спит подводная лодка кургана –
Субмарина полная мертвецов.*

*И увидишь,
Как скифская баба,
Поля Дикого, Моря Великого
Богородица камнеликая
Выбирает себе жрецов.*

Такими жрецами современной войны показаны в поэме ополченцы:

*Я вглядываюсь в линию горизонта.
Рядом со мною жрец, позывной – Скиф.*

Позывной ополченца пришел из древней истории, но функционирует в настоящее время, соединяя актуальные для современных луганчан смыслы: Скиф – житель местной степи-моря, автохтонный обитатель этого пространства, образованного соединением двух миров, защищающий его от вторжения с неба и суши.

Море любви

Море в русской архаической культуре иногда выступает как символ любви, но в то же время вода в традиционной русской и шире, славянской культуре – неперемный элемент свадебного обряда: умывание водой – символ бракосочетания у западных подолян; посещение молодой водного источника на следующий день после свадьбы – важнейший этап инициационного испытания, пройдя которое молодая женщина принимается в семью мужа. Вода как стихия, порождающая жизнь, воплощается в женских образах, и имеет непосредственное отношение к сфере брака и любви.

Море в поэме выступает как стихия, связывающая влюблённых – Нето и Русалку. Хотя море в своей ипостаси мира смерти их разделяет, в то же время преодоление смерти как морского простора должно привести влюблённых друг к другу:

*Я приду за тобой даже в чёртов затерянный город.
И в тюрьму, и в дурдом, и в забытый людьми лепрозорий.
Знаешь, боль проступает на теле узором.
И любовь проступает на теле узором.
Лихорадкой, румянцем, блистательным взором.
Пусть же очи твои мне сияют, как два маяка среди ночи.
В многолюдном движении и в тишине одиночеств.
Я направлю к тебе свой корабль блуждающий, пьяный, разбитый,
Спотыкаясь о рифы, о рифмы, о ритмы
И по звёздам сверяя свой курс в океане событий...*

Море слов

Как стихия, соединяющая миры, море выступает ещё в одной ипостаси – как море слов, море русского языка. Эта концептуализация моря начинает раскрываться с первых строк поэмы, где появляется рапсод Марсий, который должен рассказать историю героини, а наиболее полно раскрывается в теме имени.

В древнегреческой мифологии Марсий – соперник бога Аполлона. Победивший Аполлона в ристанье на флейтах, Марсий вызвал гнев бога и был убит – с Марсия содрали кожу. Аполлон как бог, оформляющий мир, в этом случае забрал своё – кожу, которая отделяет человека от мира, придавая ему строгую форму.

К образу Марсия Елена Заславская обращалась в стихотворении «Марсий, вызови Феба» (2016). В этом стихотворении Марсий выступает прообразом поэта, который, оставшись без кожи, чувствует «красоту и уродство этого мира», а состязание с Фебом и жестокое наказание переосмысливаются как поэтическое вдохновение, посланное Фебом, дающее возможность человеку изобразить в слове наш человеческий мир. Рапсод Марсий снова появляется в поэме «Немо» с той же миссией выражения в поэтическом слове реалий военного времени, которую можно понимать как преодоление моря слов. Здесь море выступает как связывающая стихия, соединяющая разные сферы человеческого бытия – войну и поэзию.

Родное имя в море слов

Образ русского языка как моря слов раскрывается в теме имени. Несуществующее имя главного героя – Немо, Никто, вынесено в заголовок поэмы. Имя русалки – Елена – последнее слово поэмы. Эти два локуса поэтического пространства задают рамки структурирования образного наполнения поэмы. Именно между этими двумя полюсами разворачивается всё действие поэмы, включая уровень метафор:

*Имя всегда означает путь.
Имя всегда означает суть.
Как только по имени позовут
Из ниоткуда вызовут, призовут.
Потому я дам тебе позывной,
Чтоб имя не ведал – ни свой,
Ни чужой,
Чтобы был он тебе, как броня
Среди Поля Дикого,
Среди Моря Великого
И огня.*

В поэме влюблённые так и не встретились, стихия моря как стихия войны и смерти их разъединяет. В то же время сама поэма выступает как путь в море слов, который ведёт к встрече. Имя как самое важное слово языка – залог этой встречи и преодоления пространства смерти:

*В сетях мобильных невелик улов.
И в море русских слов –
Вот звука пузырьёк,
А вот песчинка знака.
Я как жемчужину храню под языком
Родное имя – тайну...*

*Когда же, Нето,
Ты придёшь на берег,
Что вынесет к твоим ногам прибой?
Жемчужину?
Ракушку-телефон?
Или мою поэму?
А может,
Ты моё имя, лёгкое как пена,
Услышишь в шуме волн....
...Елена...*

Таким образом, море в поэме предстаёт как стихия, соединяющая разные пространства. Это в первую очередь пространство живых и территория мёртвых, однако роль моря в поэме к этому не сводится. Море соединяет также прошлое и будущее, выступая как память, содержащая в себе в латентном виде все смыслы русской культуры, оживающие в обстановке предельного экзистенциального выбора, который каждый человек и народ как таковой осуществляет во время исторического перелома, военных событий, погружающих степи в мир смерти. В поэме интегрированы смыслы, важные для человека русской культуры в ситуации экзистенциального кризиса, вызванного войной: темы исторической памяти, любви, роли русской поэзии в связывании времён и сохранении русской культуры.

2019

НОВОРОССИЯ ГРОЗ. НОВОРОССИЯ ГРЁЗ СКРЕПНО. ВАТНО. САКРАЛЬНО

*Все герои реальны,
все совпадения не случайны,
все права беззащитны.*

13 июня 1905 года явилась Царица Небесная старцу Филиппу и сказала: «...И день сей явления моего граду Луганскому помни, и учи всех чтить его, о граде же сем скажу, что к концу мира наречётся он – Святоград Луганский. И многие люди будут съезжаться сюда в преддверии этих грозных дней, сами не зная зачем».

Житие старца-диакона Филиппа Луганского

*Да, у нас строго придерживаются заповеди: «Будь верен
духу любви к родине».*

Кобо Абэ «Женщина в песках»

*Работайте, братья!
Магомед Нурбагандов*

ПРОЛОГ

Последний часовой стоит на страже родного града. И над ним проносится чёрная конница – чёртовы дети ада! Он падает наземь, успев понять, что позади пустота – Фата Моргана – нет ни Святограда, ни Новороссии, а только дикое голое поле истории. Он умирает с вопросом: «Кому нужна была эта жертва, Господи?»

І ЧАСТЬ

1. В огне и под огнём

Есть человек, за которым я бы поехала на край света, на самый край света, туда, где ветер и холод, безнадёга и безысходность, где небо, как чёрная пропасть, без дна, как жена декабриста, хотя в общем-то и не жена. И мне наградой было бы счастье быть рядом, пусть и не близко. Но ехать не надо. Вот он – край света, край мира, фронтир, где дышит война.

Ночью бреду по пустому городу, по абсолютно пустому городу. Давно комендантский час. И нет ни единого повода думать, что завтра будет. Есть только здесь и сейчас.

Все снайперы спят. И патрульные спят. И спят часовые. Ангел-хранитель за мою спину расправил крылья, перебитые в трёх местах. Сначала по пояс в ноябрьском тумане, потом с головой. В левой руке – фонарик. В правой – нож выкидной.

Вот и дом. В нём проживаем вдвоём: я и старик Петрович. Он кормит брошенных кошек, собак и прочих тварей живых, прибившихся к нашей стае, тех, кто остался в живых, тех, кто остался с нами.

Навстречу мне пёс наш по кличке Сепар, колечком хвост. Он боится обстрелов, а в остальном бесстрашная бестия, тёртый новоросс.

Окна крест-накрест скотчем. Окна – пустые глазницы. Дом излучает даже не одиночество, а уныние. Холодно. Ветер воет. И всё-таки есть в этом доме что-то такое, что заставляет меня возвращаться сюда снова и снова, затихать в его утробе живою душою, делающей его существование осмысленным, необходимым, да и моё вместе с ним.

Взвалить бы его на спину и унести, как уносит улитка, со всеми пожитками, со старыми фотографиями и открытками, с детскими локонами и дипломами, книгами, письмами, записками, со всеми важными датами, впечатанными в альбомы, с родительскими портретами, дедушкиными наградами, с рисунками самыми первыми, сохранёнными мамой, с его очагом и памятью, – всем тем, что зовём мы домом, всем тем, что навсегда остаётся с нами...

Как-то в газетах писали укропы, что город наш подобно Содому с Гоморрой должен ответить за грехи его обитателей. Роль Бога они отводили украинской армии...

Выхожу на балкон, гляжу в сторону Камброда до рези в глазах. Темно. Светомаскировка. Поэтому курить нельзя. Кружка чёрного чая. Глоток обжигает гортань. Часа через два на линии горизонта – зрелище необычайное. А пока тишина.

И вот трассера разрывают небо, потрошат облака. Тому, кто здесь не был, кто не отличает фейерверк от обстрела, меня не понять.

Мы ли? По нам ли? Свист и гул. Можно было бы спрятаться в подвале, но я туда не бегу, я остаюсь на месте. А город молотят в фарш. Меня защищает нательный крестик и «Отче наш».

Сердце моё в огне, а голова под огнём. Я лежу на спине. Думаю о нём. Он пахнет дымом. Чем-то близким и детским. Мы стали родными. Когда мы вместе, война отступает, становится лишь войнушкой, мальчиковой жестокой игрушкой. И только шрамы напоминают, что всё всерьёз, и серьёзнее не бывает. Новороссия гроз. Новороссия грёз. Видно, это судьба такая: сойтись нам под небом звёздным, на перекрёстке истории, продуваемом северным ветром, под огнём перекрёстным смертным.

Пусть нету на гугл-картах, пусть нету на яндекс-картах этой страны, и адепты вражеской пропаганды твердят нам, что так и будет, что зря, мол, погибли люди, что всё напрасно, бессмысленный глупый подвиг, нас ждёт нищета и кризис, а он мне сказал: «Это долг мой». И записался в Призрак.

*По Донбассу бродит Призрак
От Счастья до Светличного.
Говорят, комбат мой красный,
Лишь бы не коричневый!*

Я засыпаю и думаю, если дом не накроют из градов, если я не умру во сне, если случайный снаряд не распустится розой во мне, завтра наступит. Наступит... вроде бы. Новый день случится в любимом городе. И я натягиваю на голову одеяло.

Дом вздрогнул. Попадание. Где-то рядом.

2. Кони АТОкалипсиса

Мирной жизни не существует. Это иллюзия и обман. Кони АТОкалипсиса вытоптали Новосветловку, вытоптали Горловку, вытоптали Сутоган. Пронеслись по Донбассу без жалости, оставляя кровавый след.

Сосед прятался в погребе, между банок с консервацией, прихватив на обед сухари и воду. Взял и лопату, на случай, если привалит. Арта отработала по городу. Дом цел, казалось, что миновало.

Сосед вышел покурить. Так его и не стало.

Жизнь конечна. Мы об этом знаем, конечно, но думаем, что пребудем вечно, и когда приходит к нам в гости Смерть, не успеваем дверь запереть. А она уже смотрит в дверной проём и говорит: «Пойдём». И вдруг добавляет: «Шутка. Друг, я не за тобой». И в сердце ввинчиваются шурупами радость и боль.

*Ты ещё молод,
Ты ещё полон сил,
Но наступает опыт,
О котором ты не просил!
Всё меняется.
Меняется мир.
Меняется матрица,
В которой ты жил.
И день считается удачным,
Если он наступил.*

Раздобыть воды, раздобыть еды – вот и все мои на день труды. Нечего есть, и холод собачий. Я вытряхиваю последние деньги из заначки и выхожу на улицу чуть не плача. Я говорю себе: мы победим. Я говорю себе: потерпи. Я говорю себе: день считается удачным, если он наступил.

Ночью выпал снег: стало белым-бело. Но после артобстрела алые следы на нём. Артериальная кровь заполнила отпечаток человеческого тела и застыла льдом. Красное на белом. В горле ком. Ни выплакать, ни выстонать, ни забыть. И вдруг я понимаю, что привыкла

к безжалостному лику войны, внушающему липкий страх и животный ужас. О, как я раньше боялась, но что-то, видно, внутри сломалось... Я мыслям своим улыбнулась. Я больше не буду пушечным мясом, а буду ядром, снарядом, маленьким жгучим адом, ответкой! Меня заждались, поди уж.

Однажды ты встаёшь на тропу войны, а она оказывается широченым проспектом! Братья и сёстры, дочери и сыны летят на скорости прямо в бессмертие. Жалят осколки, бьют по глазам, липнут бессмертники прямо к берцам, и не выдерживают тормоза. Главное, выдержало бы сердце.

Крепись, моё сердце, оденься в броню, я ни о чём не жалею и уже ничего не боюсь.

3. Убивашка и лимонка

Нацбольский отряд имени Хлои Морец, актрисы из фильма «Пипец».

Пьяный Воля, доброволец, записывает видеообращение к укропам: «Ты хочешь славу героя, а получишь полный пипец! Захлёбываясь собственной кровью где-нибудь под Дебалей, подохнешь, мать не узнает, где тебя похоронят, в какой канаве, оно тебе надо, малец?!»

Располага называлась бункер. В спальниках на полу здесь спали разные люди перед тем, как уйти на войну.

Да здравствуют интербригады! Как при старике Хэме. Во времена, когда Луганск звался Ворошиловградом, была такая пивная «У Хэмингуэя». Недавно прямым попаданием этот дом раздолбали, что и говорить, но я-то знаю: человека можно уничтожить, но нельзя победить.

«Тотальная мобилизация», печатный орган Другой России, раньше звалась «Лимонкой» – мы на стол её постелили. Картошка варёная, водка палёная, тушёнка, граната ф1. Характерный натюрморт.

– Наливай. Не томи!

– Я не осилю.

– Пей!

– Ну, за Победу!

Закусили.

– Ещё налей!

И гром обстрелов был не страшен. И в наступившей тишине фиалкокудрая смешная Убивашка подмигивала мне!

На трофейной машине с нацболами ночью мы мчимся к Одину, везём ему морфин, живот ему разворотило пехотной миной, но он остался жив.

Он просит:

– Док, дай две. Ну Бога ради.

Тишина и запах крови в палате.

– Хочешь увидеть радугу? Нет. Терпи, друг, – и Док ему протягивает ампулу. Одну.

По пустым коридорам больницы бегом.

– Док, он выживет? Док... Ты почему молчишь?

– Конечно, малыш.

Я не плакала, просто знала: скоро примет его Вальгалла.

Док меня троллит: «Может, надо было бежать-спасаться? Стать временным переселенцем? Жить, наслаждаться где-нибудь возле моря?»

А я, указывая на сердце, твержу: не отпускает.

И он смеётся.

– Вместе мы – Гималаи! И достанем до Солнца! И нас не догонят, а если б догнали, мы бы им показали не английский фак, а наш русский кукиш.

Наливает стопку.

– Будешь?

– Будешь!

Мы мчимся всё время на красный, дорога пуста. Док пьян и весел, и я весела. Или, как водится, навеселе. В трофейной тачке, шайтан-арбе, наклейки с голыми бабами и Богородица на лобовом стекле.

Храни же нас, Мать Божия,

Трезвых и в пьяном бреду,

Грешиков и безбожников,

Верящих лишь в мечту.

Храни же нас, Благодатная,

Прими нас под свой покров,

Безымянных солдат твоих,

*Воюющих за любовь.
Храни же нас, Дева Пречистая,
Ибо обречены
Маргиналы и экстремисты,
Джедаи вымышленной страны,
Выстраданной Новороссии,
Новороссии гроз и грёз!
Ведёт нас жемчужной поступью
Сын твой в венке из роз.*

Док говорит: между залпом града и ответкой можно сделать четыре затяжки (он любит красный «Бонд»). Четыре затяжки – всё, что успеется перед тем, как по тебе долбанёт, перед тем, как тебя на четыре стороны с комьями земли. Док помнит, как у ротного зенки из черепной коробки выкатились, незабудками зацвели.

Док говорит, что приехал сюда помирать, да нечаянно выжил. Те, у кого удача пожиже, здесь лежат в новых могилах братских, в наших степях донбасских, укрытые ковылями и разнотравьем Дикого поля, зиму – снегами по пояс.

Все мои сказки об этих героях.

4. Сказки-рассказки

У них были позывные Дафнис и Хлоя. Только война не идиллия, а треш. Он подорвался на mine на рубеже, ей оторвало голову при взрыве. Их похоронили в одной могиле. Этой зимой, в районе 48-й параллели, в поле ветра им пели свои пасторальные пени, и глухо вздыхал террикон.

Архип с позывным Истребитель наелся пластида, перепутал его с халвой. Он стал представителем нового вида. Он теперь, как супергерой. Ничего не меняется из века в век. Жизнь на войне полна геройства. И полна нелепостей. Из котла он выносил в своём вещмешке кошку Царапку, мурлыкающую от нежности.

*На войне как на войне...
Кто заплачет обо мне?
Только мамка, только мамка
Там в далёком далеке!
Только рыжая Царапка,
Что носил я в вещмешке!*

Рассекая туман, будто ножик масло, на своих жигулях Вован нечаянно заехал в Счастье и напоролся на вражеский блок-пост.

Когда-то, в мирные времена, у нас был тост: «Выпьем за Счастье! За ТЭС, что у тебя в груди!». Там ведь теплоэлектростанция. Теперь она заминирована айдаровцами. По ней не стрельнёшь!

Другое дело, человеческое сердце, маленькое, тёплое человеческое сердце. Оно так легко ломается. Его так легко – насквозь пулей повышенной пробиваемости с термоупроченным сердечником.

Так Вован попал из Счастья напрямик в Вечность.

Амнистию дали тем, кто встал под ружьё. Сначала Серый к батю и к матери, а потом на войну ушёл. Мать говорила: иди помолись, свечку поставь: сохрани-спаси. Отец говорил, ты же знаешь сам: не верь, не бойся и не проси! Так что, сын, не ссы: шальная пуля – шальной башке, но пусть в кармане дуля – палец на спусковом крючке.

Бабье лето. Никто здесь не ждал непогоды, но ураганы и грады пронеслись по Донбассу. Укропы лупили по Первомайску. Октябрь стал адским. Каждый день минимум три пожара. Пожарные их тушили. При обстрелах не бежали в убежище, а прятались под машиной. Потом продолжали. Никакого геройства. Просто работа особого свойства.

В подвале ДК имени Ленина люди прячутся от бомбёжки.

«Когда-то здесь пела группа «Машина времени», – рассказывает вахтёрша. – А теперь вот крыша течёт, да и Макаревич совсем не тот!»

Хаты, побитые градами. Хаты, побитые гадами. Помню, дом с перекошенным ртом дверного проёма застыл в вопле немом после артоналёта.

Бабулька собирает пожитки: «Жили мы, жили, да ничего не нажили. Только привычку к простору, чтобы выйти в поле и сколько хватает взора – степь: ковыли да маки, и сокол летает, как ангел».

А я ей вторю: «Жили мы, жили, да ничего не нажили. Лишь привычку к раздолью, чтобы выйти в поле и до самого горизонта – моё, родное!»

На заводе прокатных валков – Сталинград. Три дня подряд горел цех разливки стали, когда его обстреляли.

«Была бы станина, – мечтает начальник цеха. И руки его от работы черны и огромны. – Станки отстроим. Отремонтировали же домну!»

Ствол шахты «Знамя коммунизма» затоплен. Грунтовые воды. Старейшая шахта 4-бис. И люди сидят без работы.

«Разве это жизнь? Доедаем свои гробовые. Горе мне, горе, – вздыхает бабуля, – а впрочем, и это неплохо. Ещё немного, и придут гуманитарные конвои, весна, а там, глядишь, и Победа».

5. Последняя обойма

В съёмной хрущёвке холодно, дует из всех щелей. Мы не виделись с ним полгода. Он ничей. Да и я одна. Впрочем, и у него, и у меня – война.

Но вот мы вместе, и рация отключена.

«Милый, родной». Дышу им, он пахнет войною, сначала дымом её и тленом. А после теплом и домом. Он мои раздвигает колени: «Лена». И в это мгновение я стану его колыбелью, прикрою, укурю, будто землёю собою, собственным телом.

Всё, что может дать один человек другому, – немного нежности и тепла, совсем немного. Мы с ним под одним бушлатом, пропахшим машинным маслом, окопной грязью, глиной и чем-то простым и забытым, как это говорят... счастьем.

«Милый, мой милый... ты меня не забыл». Ангел его легкокрылый плачет навзрыд.

Мне рассказывал он, и дрожали ресницы: «Знаешь, чем пахнет поле пшеницы, ставшее полем боя, чёрным от дыма и сажи? Подгорелой пшеничной кашей!»

...Ещё он принёс мне сгущёнки – солдатский паёк. Сладкий чай. Но не слаще поцелуя. Всё хорошее случается невзначай. И повторения не будет.

Он хочет золотого Стечкина, а почему бы и нет?! А я не отказалась бы от нагана. На палец он надел мне колечко от РГД и рассказывал, как сгущается тьма над Сутоганом. Как из нор появляются орки или ДРГ...

Милый, в той маленькой комнате на голой стене осталась последняя обойма стихов, посвящённых тебе.

*Знаешь, что такое поэзия?
Это ночью со своего балкона
Заметить созвездие Ориона
И на правом его плече
Звезду Бетельгейзе.*

*В моей Новороссии,
Где всё так неясно,
Где будущее – туманность,
А прошлое поломалось,
Где гуляют ночные волки
И контрабасы
Прячут нал и обрезы,
Это всё, что у меня осталось:
Пуля, лира и звезда Бетельгейзе.*

*В моей Новороссии,
Не нанесённой на гугл-карты,
Где всё так просто
И так понятно,
Где полевые командиры
Отправляются в космос
На лифте,
Где терриконы безумия
Страшнее, чем у Лавкрафта,*

*Здесь есть место
Для подвига и для мести.
Наведи свой зум –
Поглядим на звезду
Бетельгейзе вместе,
Мой команданте!*

*Когда же она взорвётся,
То вспыхнут в небе два солнца!
Потому что таким, как мы,
Одного мало!*

Прощание было коротким.
– Пока, – и поцелуй в лоб.
Пойти что ли, ёбнуть водки, полегчало чтоб!

6. Ты есть

Уже не спасает молитва, а только стих, сопряжение рифм и ритма с биением в груди. Так, будто за пазухой у меня соловей. Его не поставить на паузу, он вечно play. Просится в небо, а отпустишь, из лужи пьёт. Я плачу в подушку. Думаю о нём.

Сначала он был пользователем ПК, персонального компьютера, а стал пользователем ПК, пулемёта Калашникова. Жизнь непредсказуема, особенно если ты безбашенный или, как говорят, придомбашенный. Сначала зачитываешься «Революцией от кутюр», а потом сам делаешь революцию, только нашу, русскую.

Казалось, промчались годы, а всего лишь прошёл один. Мы были наивны и молоды, жаждали новых вершин. Я готовилась поступать в магистратуру, а он во Французский легион. Он занимался со мной французским под дождём: il est, elle est, nous sommes. И только Богу было известно, что будет с нами потом. Как мы будем друг другу сниться, в военный вращая быт. Капли на щеках были солёными. Дождь всё лил и лил.

7. Предчувствие

Быстрокрылые голуби приносят хорошие вести. Вороны – вести дурные. Я смотрю, как летают они над городом в полном безмолвии, похожие на сны мои.
Милый, что тебе снится? Девушка в белом платье? Дом, в котором

взрослел ты? Или товарищи-братья, погибшие при обстрелах? Ты недавно мне снился, но сон я почти не помню. Волосы мои были белыми, а платье чёрным.

Имена погибших печатают на листах и вывешивают на стенке Дома профсоюзов. Я помню, как она подошла и как она окаменела. Будто взглянула в лицо её Горгона Медуза.

Горе стало в горле комом.

Не выплакать.

Ангелы-хранители,

Укройте её своими крыльями!

Горе стало в сердце колом осиновым.

Не вытащить.

Ангелы-хранители,

Укройте её крыльями своими!

Горе стало пред нею глыбой надгробной.

Ангелы-хранители,

Своими крыльями укройте её!

Только криком-рыком утробным зовёт она не ангелов-хранителей, а демонов мщения!

И не вымолить врагам у неё прощения.

Я тоже у этой стены застыла, имя твоё искала. Искала, искала и не находила. И глупо так улыбалась. И улыбка с лица не сходила.

Сколько парней луганских, сколько парней донецких выросли здесь по соседству, были друзьями, бегали на Донец и на терриконы залезали, орала в подъезде песни Летова и Цоя. А теперь надели кресты нательные и военные медальоны, нашивки с группой крови на рукаве и солдатские шевроны. Романтики и циники, пай-мальчики и гопники стали солдатами на неожиданной этой войне.

Кто он, враг? Вы по сети играли в Warcraft, он был отличным стратегом, а теперь он по другую сторону баррикад, и скоро удобрит пашню мягким и тёплым телом. Как он похож на наших, таких же ребят. Казалось, вчера ещё вы за партией сидели, а теперь всё чаще смотрите друг на друга через прицелы.

Док показал мне трофейный телефон. На нём смс от матери: «Синочок, ты поранений?». Жалко мне стало мать, слёзы сдавили горло, но я вспомнила наших ребят и смс-ку стёрла.

*Есть только голос.
Нитка разговора
Всё время рвётся...
Громыкает Град.
И ничего не остаётся.
Лишь... ад.
– Алло! Алло! – пробиться сквозь разрывы.
– Алло! Алло! – пробиться сквозь войну.
– Алло! Любимый! Я тут!
– Ту-ту... – идут гудки, похожие на стоны.
Идут гудки, а через миг их нет.
А это значит: абонент вне зоны,
А может абонент не абонент!*

Милый, где твой ангел-хранитель? Может быть, он тебя оставил? Что он делает? Где он ходит? На каком задании и в какой засаде? Или пьян лежит в Диком поле?

«Ангел мой, иди со мной, ты впереди, а я за тобой, мимо мин и растяжек незнакомой тропой. Не теряй меня, прошу, не теряй, ангел-хранитель мой.
Я же твой безымянный солдат, говорю невпопад и бреду наугад, через поле и сад, через смрад, через ад, не щадя живота своего. Вся надежда моя на тебя, и последний в обойме всегда для себя, и симкарта моя за щекой. Не теряй меня, прошу, не теряй, ангел-хранитель мой».

Целый месяц не было связи. Казалось, живёшь ты, ни с кем не связан, ни к чему не привязан, никому не обязан, по большому счёту, делай что хочешь, иди с Богом или катись к чёрту. Но что-то держит, не отпускает. Видно, это судьба такая, а может, вера в Победу. Кони мои привередливые мчат по краю, куда – не знаю... навстречу ветру!

Когда зазвонил телефон, я думала это он. Я думала – это милый. Но голос был незнакомый, сиплый.
– Бережёного Бог бережёт, а не бережёного конвой стережёт. Его ангел летал у моего ствола да крылья обжёт. Хочешь увидеть живым?

Не обещаю, что невредимым.

– Говори, что для этого необходимо?

– Десять тысяч евро, и пакет «Ангел-хранитель» вновь активирован: и я в список на обмен внесу твоего любимого.

II ЧАСТЬ

8. Старые шрамы. Соловейко

Он ей на лбу вырезал звезду, слюна проступала в углах его губ и ярость. А она смотрела в лицо врагу и... смеялась.

Когда её повели к яру, шла сама. Гордо шла и не спотыкалась.

«Весна-весна, как же ты пела мне, капелями на все голоса. Долгожданная моя, последняя, не бросай меня, не бросай!».

Снег растаял там, где она упала. Алые проталины и земля красна.

Расстреляли прабабку за связь с партизанами. И отпела её весна.

А прадед погиб, я не знаю точно, в 41-м или в 42-м. У них остались сиротки-дочки. Жили у тётки своей родной.

Галя красавица белолица, Галя красавица чёрноброва. Где ты была, Богородица, со своим покровом, когда фриц увидел сестру её Милу?

– Тикай, Милка, тикай! Тикай, ради Бога!

Вот стоит она, недотрога. К сестре преграждает дорогу. Он рванул за запаску. На траву повалил.

Над нею звёзды ясные. Рядом китель со свастиками. И соловейко не щебетал, а зло насвистывал нахтигаль.

– Галь!

Выпила из крынки молока. Облизнула белые усы. Обтёрла губы о рукав, чтобы наверняка. Поправила косынку и со вздохом: «Что-то плохо мне... белый свет не мил и темно в глазах. Что со мною, Мил?»

– У тебя под сердцем враг, Галь!

Чёртов нахтигаль.

Она бы его утопила, да Мила отговорила, да Мила его отмолила, к старцу Филиппу ходила. А старец был не простой, он дал ей картину, на ней то ли Последний праведник, то ли Последний часовой. На голове будёновка, а в кобуре наган. Смесь иконы и плаката. Он поражает дракона копьём, стоя на страже Святограда...

Валялась икона дома среди старых игрушек детских. Но перед тем, как уйти со Стрелковым, отец отыскал материно наследство. Поставил в красном углу. И оставил меня одну.

9. Ночь отчаяния

Зубастые бомбы вгрызаются в мясо домов. Гекатомба Донбасса. Это жертва, которую мы приносим, это плата – кровь и слёзы. Что, если она бесплодна? Не будет ни Новороссии, ни Святограда, а только голое поле истории, а посерединке воронка ада?

Док говорит:

– Довольно! Хватит жалеть себя. Люди судят со своих колоколен. Сетуют на башни Кремля! Говорят, мол, в поле один не воин. А я говорю им – да. В поле один не воин. В поле один – великан! Ты же помнишь паренька, он работал на автомойке, а стал героем со смешным прозвищем Моторола?!

Там пролегает наша земля, где за неё умереть готовы!

Наш Святоград стоит на плечах атлантов, простых солдат.

– Но где раздобыть десять штук, скажи мне, друг?!

Док говорит:

– Собирайся в путь и икону свою не забудь. Есть связи на ниве контрабанды. Продашь её знакомому литератору в Нидерландах. Вот тебе роад-мап, сейчас сочиним легенду... Поедешь ценности продавать?

– Поеду!

Ставлю ветку вербочки в гильзу от ПТРа:

– Господи, дай мне силы. Господи, дай мне веры. И веры по силам и силы по вере! Чтоб всё сносить, ничего не просить и не бояться смерти!

10. Травелог. Республика

Мы ехали степью, заснеженной степью, пара вояк, гражданский и я. Солнце запуталось в ветвях деревьев, и одинокая птица, как говорят, самотный птах, без движения, будто флюгер в безветрии полном, сидела на проводах.

– Куда держишь путь? – я спросила гражданского. Он нехотя отвечал. – Я не случайно здесь оказался, – вздохнул и опять замолчал. – Брата Алёшку ищу. Нам бы встретиться, о важном поговорить. Он, говорят, в ополчении... – на этом прервалась нить нашего разговора. Зато Юра (позывной Волга) говорил без умолку, всю дорогу – цветисто и долго.

– Мы здесь каждый угол знаем, в этих дебрях мы боги. Тут каждый террикон стреляет, а эти суки-укропы не знали, тут теперь и подохнут. Вот он, секрет успеха. Что у нас было сначала? Топоры, обрезы, мачете, трёхлинейки, ружья, тт-хи. Ещё пара наганов. Всё, что есть дома у простого донбасского хулигана.

– Ночью стреляли. Днём варили миномёты. И знаешь, пошли как дети в школу все мины 43-го года. Прямо в фашистскую свору. Пошли по назначению, хотя сначала мы сомневались, что в них толку-то, что в них проку-то, мы, бывшие токари и наладчики, ныне солдаты народного ополчения.

– Котомка с патронами на боку. 150 патронов – это ни о чём, но можно повеселиться. Кончился бой – остался один патрон. Только застрелиться.

– Когда вокруг гремит, когда вокруг летает, бьёт скс-ка сильнее калаша. И сердце замирает и уходит в пятки душа. Но ничего, прорвёмся, брат, прорвёмся. Какое небо рвут на лоскутки! И кажется, уже не встанет солнце! Но умирать сегодня не с руки!

– Это была сладкая мишень. Нам дали добро их кошмарить, сказали: работайте, хороните. А нам только того и надо, угробить тварей, подонков и троглодитов.

Это была сладкая мишень. Они не окопались. Грабили местных, это казалось им просто. Семнадцатилетней Марусе прострелили шею, убили на месте, когда она забрела на блокпост их.

Это была сладкая мишень. Гасилово. Молился мысленно: «Господи, спаси и помилуй нас».

– Юра! – сосед звонит мне, – когда нас освободите?

– Жди, Витя. У тебя два сына, а вы всё сидите!

Ещё вспоминал Юра с позывным Волга про переговоры.

– Мы им: едьте, забирайте жмура, лыцаря Бандеры. Не бойтесь! Гандон на голову натянем, проведем, никто не тронет и не проверит. Не забирают. Боятся. Бессмысленно предлагать-упрашивать. Ну а что, мы не собаки – похоронили. Написали, значит: «Укропу от казачества». Чтобы было всё по-людски, каждому хочется.

Кум говорит: «Буду за могилой ухаживать, когда война закончится».

– Как же вы, укропы, старались: жалость вытравливали снарядами, разрывными и ураганами, а она всё прорастает в нас, пробивается, как разрыв-трава сквозь наст, сквозь броники и разгрузки... Так по-человечески, по-русски.

И добавляет:

– Думали, один, а их с десятков, по посадкам и в Кременной в яру. Одно я знаю, если я умру, мои меня не бросят, своих двухсотых на себе выносим.

Иногда бывает, как в кино: ночь, дорога, артналёт. А режиссёр кто? Бог? Или тот, который претендует на его место? Враг мой? Друг мой? Или кто-то третий? И совсем по-детски, мучительно хочется хэппи-энда.

11. Казачий разгуляй

В Луганске стоят два британских танка – трофеи Гражданской войны. Красные отбили их у Врангеля. Сейчас они включены в перечень охраняемых памятников. А когда-то прятались в них беспризорники от ментов и зимы.

Один танчик носит имя Дерзкий. В нём и жил в своём беспризорном детстве Николай Иванович Тараневский.

Когда вырос, стал строить храм всех религий, потом православный храм... Там нас и приютили, мы от обстрелов спрятались там. Не в землянке и не в палатах, а в недостроенном храме.

Итак, казачий полк имени Платова. Разведки. Вылазки в глубокий тыл. Подрыв складов боеприпасов. К комбату обращаться на ты, называть Батя.

– На войне всё понятно: скрепно, ватно, сакрально. Не выделяйся. Веди себя достойно. У нас каждый офицер заработал своё звание кровью. Не выделяйся. Будь мужчиной. А не то получишь финку в бочину!

Попутчик мой был сильно ранен, тот, который гражданский. Плакал, плевался кровью.

– У нас закончился морфий... Правда, есть кетамин.

Затих. Глаза закатились. В миг один.

– Не факт, что доживёт до утра. – Волга перекрестился. – Помолись за него, сестра! – и удалился.

«Мне кажется, я на крючке... я будто рыба на песке... на лавке в храме с кетаминовой капельницей в руке проживаю все перинатальные стадии:

Где я?

Нигде!

Где я?

Везде!

Где я?

Мне кажется, я умираю. Мне чудится, как на мосту стоит на посту, стережёт пустоту Последний часовой несуществующего града.

Есть ли выход из этого ада?

Я знаю, надо всё взорвать, чтобы древний океан Тетис затопил территории эти, чтоб ни черта не осталось, только водная гладь и ветер!»

Он бредил: «Взорву всё нафиг», кричал: «Подохнем, утопнем, скроемся под водой!». Мне стало страшно, на него глядя: «Помоги мне, Последний праведник, Последний часовой!».

Я достала свою икону, замотанную в рушник. Поставила на подоконник среди патронов и книг. Шептала молитву, покуда хватало сил, но усталость меня сморила, и сон был похож на фильм.

*Говорила я костлявой:
– Не отдам.
Посмотри, какой он молодой!
А она, смесь беззубым ртом,
Отвечала:
– Отдавай!
Теперь он мой!
Умоляла ангела:
– Спаси.
Он сказал:
– Я занят. Не проси!
Заклинала демона:
– Вступись.
Он в ответ:
– Меняю смерть на жизнь!
На живой души твоей огонь.
Но Последний праведник, Последний часовой.
Размахнулся, поразил его копьём:
«Повоюем мы ещё с тобой!»*

Волга меня разбудил. Быстрее, сказал, собирайся.
– Ну, с Богом! Себя береги. И... возвращайся.

III ЧАСТЬ

12. Травелог. Украина

*Я теперь не сепар и не террористка.
Я теперь не вата и не колорад.
Что тебе за дело, какая у меня прописка...
Нет такого города – Ворошиловград!*

В доме выбиты окна. Кругом осколки и стёкла. И нет никого, кто помнит, какая здесь жизнь была.

Крутится шестерёнка, крутится шестерёнка, крутится шестерёнка – маленькая юла. Когда я была девчонкой, маленькая шестерёнка, маленькая шестерёнка любимой игрушкой была. Папа принёс мне её с завода. Завод назывался тогда Донсода. Теперь здесь стоят укропы. Ушёл отряд Мозгового.

*Мой край родной, мой город детства,
Как защитить тебя и как поднять с колен?!
Мой ареал юродства и блаженства,
Земная колыбель
Моих поэм.
Лисиче над Дінцем...
Давно нема заводу.
И небо не коптят столбы высоких труб.
Ты будто бы ушёл под воду
Вглубь.
Ты затонул....
Так на моих глазах тебя накрыло
Волной войны,
И над тобою журавлиным клином
Мои стихи, воспоминанья, сны...
И души тех, что пали в 41-м,
И тех, кому четырнадцатый год
Уже много, 21-го столетья
Проснуться не даёт.
Пройтись по улицам твоим родным и узким,
Нарвать полыни у родных могил....
Мне остаётся рифмовать: вернуть-вернуться.
Ждать: ты появишься, как Китеж из глубин.*

Вот и мой поезд на Киев. Верхняя боковушка, последнее купе. Я как невидимка буду лежать и слушать. Буду лежать и слушать, и в две дырочки сопеть.

– Солдаты, которые из АТО, бухают по-чёрному, – шепчет суровая тётка, чей жизненный опыт отпечатался на лице морщинами чёткими и глубокими, и на большом и тёплом материнском сердце. – Зачем вы пьёте? – Спрашивает сержанта! – Зачем вы пьёте? А он пьяные бельма пялит, с горла отпивает жадно, сердится и отвечает ей:

– Дура! Разве трезвой ты сможешь стрелять из автомата в живых людей?!

Временные переселенцы. Ничего не бывает таким постоянным, как временное. Скитальцы. Невозвращенцы.

Она была из таких, кто поддержал Украину. Наверное, надеялась – сможет вернуться. Но не тут-то было: съёмные квартиры, чёрная работа...

– Чтоб вас всех там разбомбили, москворотых!

Скажи же мне, тётя, чиста канкретна, небесная сотня, Майдана сакральная жертва, оправдывает убийства ни в чём не повинных мирных? А впрочем, для них мы все виноваты: пособники террористов, сепары, вата.

Вновь жернова истории кровавы. И невозможно их вращать назад. Нас узы братские соединяли, могилы братские теперь разъединят.

«Ой, у вишневого садочку, там соловейко щебетав. Додому я просилася, а він мене все не пускав. Додому я просилася, а він мене все не пускав». Нежные эти песни растоптал Майдан. Светлого моего детства песни растоптал Майдан. Из самого сердца песни растоптал Майдан.

Киев мне пишет послание на задворках, витринах, обочинах, Евангелие Майдана, неразборчивым, быстрым почерком. Революция от кутюр. Революция достоинства. Ла-Ла-Ла Путин – на каждом заборе пророчество!

Утопая в рекламе и спаме, разрываю словесную цепь: вы смеётесь в начале, а мы посмеёмся в конце.

«Все депутаты – уроды», «Мне пофиг, я – Нео», «Наде Савченко – свободу», «Воскрес Джон Леннон».

Но помнят советские стены в центре и в подворотнях о том, что Ленин жив априори. Бенкси изобразил на роликах Ильича. Он мчит на колёсиках, хохоча. Пока на Украине который день подряд Ленинопад.

Аэропорт Борисполь. Вылет через час... Показываю паспорт свой. Украинский. Такой вот декаданс. А вокруг тьма народа. Над гейтами плакат: «Наде Савченко – свободу». Что тут сказать?

Повезло же тебе, Надюха, ещё поживёшь, укропская потаскуха, лётчица, где твоё крыло?! Ничего, жизнь расставит всё на свои места. Быстро проходит земная слава... Киев, прощай! От винта!

13. Травелог. Нидерланды

Я жила в доме, где щебетали часы птичьими голосами, в доме волшебника, чьи заклинания делали близкими далёкие земли. Родные гласные, выпеченные в гортани, шифровались печатными знаками, мне неизвестными. И колокольчики над входной дверью хохотали ласково. Мой проводник, переведи меня на другой берег. И знай, так далеко я ещё не ходила.

Русские писатели – хитрая комбинация: один – бандеровец, а другой – еврей. Русские писатели в эмиграции. Водки не жалей.

Лампа в зале из балалайки сделана, кий и шпага на стене. Игра закончена. Борьба продолжается. Я пью водку, полирую пивом, заедаю пельменем, и мне кажется, сейчас откроется дверь, и в комнату ввалятся цыгане с медведем.

Вот он мета-текст неоконченной поэмы: напиток по-русски, задаваться вопросом по-русски: в чем смысл жизни? Зачем всё это? И не находить ответа.

*Ах, Европа. Эх, Европа,
Кружевные труселя...
А мою прикроет жопу – ясно что!
Рука Кремля!*

Я проснулась в какой-то лодке. Я проснулась в каком-то канале. Это всё русская водка. Это всё голландский канабис. Пошла на встречу, не похмеляясь.

В Лейдене небо в тот день было карамельное. Я заглянула в кафе «Эйнштейн», заказала лате и пила его медленно-медленно, гляде-

ла, как писатель М. жонглирует морфемами. В модном интерьере с бокалом белого. И думала о том, как писатель П. делает Русскую революцию, в этом веке первую, как он мокнет в окопе в районе Тельманово. И между ними бесконечное море поэзии и мой утлый чёлн у берега.

Мой собеседник сказал:

– Показывай свой товар!

Я развернула рушник, а он смотрел на меня и молчал. Вместо иконы там был скетч-бук. Он выпал на пол из моих рук...

Это мистика или подмена? Каков ответ?

Не состоялась моя сделка.

Иконы нет!

Это был странный опыт. Не повторить. Попробовав волшебный гриб, я листала альбом попутчика. Жив он или погиб? Всё, что было нарисовано гелевой ручкой, происходило, будто со мною. Удивительный получился трип.

14. Скетч-бук. Майдан

Со всех экранов слова одни: в правительстве только монстры, оборотни и упыри. Выбор простой: сражайся или умри.

Кажется, это начало игры. Но так начинается ад, и на первом этапе всё слишком обыденно, чтобы казаться адом... Пока всем народом мы на Майдан и... «Геть злочинну владу!»

«Панду геть!»

*Мне выпал шанс, хочу успеть,
Глаза в глаза. Вперёд, на вдохе,
В лицо не признавая смерть,
А только подвиг.
Хребты разбитых баррикад.
По позвонку стрельба и пламя.
И круг за кругом новый ад
Владеет нами.*

*Как причитание плывёт
Звон колокольный,
И пуля, что во мне совет
Гнездо, уже в обойме.*

Коктейли Молотова. Бери безропотно. Вливай их в чёртову аорту войны. Мы чокнутые, мы упоротые. Родина, мы твои сыны!
«И дочери», – говорит она.
А чёрные её очи – как бездна без дна!

*Я тебе пришиваю пуговицу,
Чтобы ветры на перекрёстках,
На морозных промозглых улицах
Не цеплялись руками хлёткими.*

*Я тебе пришиваю пуговицу,
Чтобы ветры на баррикадах
В схватке яростной революции
Не хватали руками жадными.*

*Я тебе пришиваю пуговицу
Ниткой крепкой и без напёрстка,
Чтобы ты невредимым вернулся,
И шепчу: «Храни тебя, Господи!»*

*Брусчаткой Крещатика тщательно
Украину новую строй!
Покрышкой и валашкой,
И кровушкой людской!*

Нельзя ни забыть, ни простить, кровь смывается только кровью, тело её положив на щит, мы выносили её из боя....
Считаем убитых. Пали от пуль. Смотрите! Их имена растворяются в наших слезах и молитвах. И призрак войны гражданской живой обрастает плотью, бесчувственный и кровожадный. Он требует новых сотен... Героев, на поле павших, своих убивающих братьев. Родина стала мачехой. Её разорвём мы на части. Удобрим телами пашню, сольёмся с её ландшафтом, и станем ей сопричастны.

Её разрывая сердце, войдём в её мифы и были и новым солдатам на берцы осядем дорожной пылью.

Новым, тем, что родятся с нашим горячим пылом. Пока мы считаем убитых.

Их имена растворятся в наших слезах и молитвах.

Мы хотели, как лучше. Мы заложили мину: «Вибачте за незручності. Ми змінюємо країну!»

IV ЧАСТЬ

15. Травелог. Возвращение

Так, значит, мой попутчик – укроп... в бреде говорил он, что всё взорвёт... и неясно, жив он ещё или мёртв? Надо связаться с Волгой! Чёрт! Меня накрывало паникой, будто взрывной волной. Пора возвращаться домой!

Укропские танки зарыты в землю, будто зубы драконьи. Кто знает, что с нами будет? Надолго ли перемирие? Состоится ли обмен? Я возвращаюсь на Родину. Ни с чем!

Его готовили к обмену, но что-то там не сложилось. Знаете, как это бывает. Сказали, убит при попытке к бегству. Сердце моё остановилось. Пропустило ударов несколько. И зачем-то опять пошло.

Пусть летят мои письма без цели и смысла, как птицы, исписанные страницы, нескладные рифмы, пели и стихли, и даже гнезда не свили, дни напролёт, я говорю с тобой, милый.

Дети воздушной стихии – песни мои и стихи летят между болью и былью – крылатая эскадрилья. И кажется, я позабыла, что адресат уже выбыл.

А мне сегодня снилась воля, заря, степные ковыли, раздолье, небо голубое, и ты зовёшь меня вдали, а я, как перекатиполо, лечу, не чувствуя земли! Барвинков брызги на подоле – они же, как глаза твои, с

такой же дерзкой синевою, и детской жаждою любви. Весна накроет нас волною, ты нам рубашку постели. И будет чёлн, и будет парус, и ветра, ветра в паруса, и я от счастья просыпаюсь в слезах.

*Будь проклята война.
И те, кто пожинают жатву!
Я помню мать солдатскую, она
Перекрестила сына, провожая.
Я помню дом, разбитый в страшный час
Неотвратимым залпом миномёта
И звёздный купол, как иконостас,
И землю, словно адский противень!
Я помню сад... и между двух берёз
Повисли деревянные качели,
И сок берёзовый, прозрачней чистых слёз,
И как берёзы белые сгорели!
Сгорели. Обе чёрные стоят,
Как схимницы, а были, как девчонки,
Весенний шелест – ласковый набат,
И щебет птиц, пронзительный и звонкий...
Мы сёстры были. Сёстры по весне.
Теперь мы сёстры по скорбям и горю!
Мне, как и им,
Уже не знать покоя
Под этим небом
Среди бурь и бед,
Средь гроз и грёз.
И остаётся только
Надеяться,
Когда надежды нет.
И средь безверья
Верить,
Корнями памяти вращая в землю эту,
Чтобы сродниться с ней.
Остаться в ней навек.*

16. Наш пейзаж

Добиралась я автостопом. Водитель суров и светел. Ехали без разговоров. Летели сквозь снег и ветер.

Скрипит колыбель Донбасса. Стонет Донецкий кряж. А мы кометой – по трассе. За окнами наш пейзаж. Кровавый зрачок заката нацелен на террикон... что это, Фата Моргана или Армагеддон?

На заднем сиденьи патроны, разгрузка, гуманитарка, прямо под новой горкой замечен ТТ и Макаров. И невесёлые мои мысли клубились, будто позёмка. Казалось, нет ни смерти, ни жизни, а только эта дорога.

*Здесь всё есть пыль.
Здесь всё есть тлен.
И лжива была
Былых поэм.
Слова всё врут,
Не врёт лишь грунт!
И воедино с ним я слит.
Я монолит.
Я антрацит.
И чёрным золотом земли
Меня когда-то нарекли.
Достань меня из тесных недр,
Достань меня на белый свет,
Зажги огонь, суровый ГРОЗ,
И вознеси меня до звёзд.
Поддай тепла. Поддай огня.
Сожги дотла. Сожги меня.
Но здесь теперь другой закон
Другой огонь, другой резон.
Моих титанов имена
Смывает времени волна...*

Радио «Победа» в этот раз передавало, не как вести себя при обстрелах и как распознать по звуку, что прилетело, разговор был на тему экономическую: «...положение в угольной отрасли действительно критическое и вызвано, в первую очередь, причинами рыночными. Нет сбыта».

Вот те раз! Опять мы у разбитого корыта.. пропал Донбасс!

«А меры по осушке шахт потянут столько денег... а денег нет...», – я не дослушала, я, выглянув в окно, среди метели на мосту знакомца старого приметила и вышла, и прихватила пистолет – ТТ.

17. Встреча на мосту

Нам нечего было скрывать. Мы всё друг про друга знали. Сначала он долго молчал. Я тоже молчала.

– Красиво рисуешь, укропчик, – я протянула альбом.

– Я слышал, как ты молилась, – сказал между прочим он. – Так кто это Последний праведник? Последний часовой? Хотя какая мне разница... – Дальше он говорил, будто бы сам с собой.

Я отправился на восток. В регион тринадцать. В город, в котором детство моё живёт, в город, в котором мой младший брат остался. Я вырос в сердце Донбасса, среди шпаны и урок. В городе Перевальске или в городе Парижской коммуны, как раньше он назывался.

Таксист врубил шансон. Я заткнулся и не жужжу, и понеслось по салону: «Песня памяти всесоюзному вору Васе Коржу»:

*«А он всё так же на корточках,
А в зубах папирочка,
И в глазах неподдельный блеск.
Фору даст пацанам.
Позавидуешь памяти,
Не услышишь слов матерных,
Душ загубленных тоже нет.
Всё почти за карман».*

О, эти маленькие донбасские города! Как говорят креативные блогеры, депрессивные. Каждый такой, будто чёрная дыра... достал сиги, затянулся, вспоминая пацанов из своего двора. Тоха сторчался, Вовчик спился, Серёгу подрезали в тюрьме... И как эпитафия на пачке надпись: «мучительная смерть».

А что же мой брат Алёшка, неужели теперь мой враг?

– Давай к нам! – Скажу ему, когда встречу.

А я отвечала ему беспечно:

– А не то ты взорвёшь свои бомбы, и грунтовые воды из шахт и подземных речек вырвутся на свободу, проглотив этот город навечно?

– Можно и не взрывать. Можно их отравить. Отправить вас всех здесь в ад! Знаешь, ведь мой позывной «Полынь»... Разве встречу младшего брата, и он сумеет меня отговорить. Тебя я не трону. Не бойся! Здесь на мосту мы с тобой расстаёмся... И всё-таки мне невдомёк, на

хрена вы воюете тут? На хрена умираете тут? На хрена вы схватились за земли эти корнями и жизнями, которые никуда не ведут?

А я прошептала:

– Умойся.

И спустила курок.

Я столкнула его в пустоту. Я стояла одна на мосту. Невесёлый конец.

А может, и нету конца...

Полетела звезда Полынь в полынью Донца.

18. Свежие шрамы. Последний часовой

Помню, бредёт по сугробам пьян, двустволку на скрипочку обменял: чтобы играла внучка моя, а я бы ей подпевал. Никто не думал тогда, не гадал, что скоро придёт война. И не будет двустволки, а будет Макаров и РПКа. А ещё позывной Старый или коротко Стар...

Когда отец мой пришёл в увал, он много историй мне рассказал. Три дня пил и всё говорил, говорил...

Рыли траншеи ночью поверх старых, времён Великой Отечественной. Они будто шрамы, которые вдруг закровоточили, наполненные жизнью человеческой.

Разрубленные корни,

Засохший стебелёк...

Обстрел идёт.

Арта ревёт.

И взводный что-то мне орёт,

А у меня землёй наполнен рот...

И я надолго замолчал. Не звал, не плакал, не кричал, во мне случилась тишина, как будто чёрная стена. Но вот сейчас я говорю, так слушай исповедь мою.

Сорвать чеку, как крышку на чекушке: пусть будет взрыв. Так близость смерти опьяняет лучше и сильнее, чем спирт. Хлебни, фашист, холодной ярости моей, за тех парней, что тут лежат, за Ленинград, за Сталинград, за Киевград, в конце концов, взгляни, фашист, в лицо моё. Я, как комбат, встать буду рад и звать солдат на смертный бой, взгляни, фашист, в лицо моё!

Ёб твою ж мать. Невыученные уроки истории приходится повторять. Когда-то в низине в 42-м возле села Хорошее Макс Альперт сделал фото. На нём политрук Алёша Ерёменко в последний миг своей жизни – зовёт в атаку. Теперь возле Бахмутки есть памятник Комбату.

Знаешь, как оживает прошлое? Оно оживает в нас!
Я встретил друга Алёшку в нелёгкий, недобрый час! Он нахохлился, как воробушек, ухватившись за автомат. Блокпост недалеко от Горловки. Холодно. Зима. И стоит он такой молодой, но уже седой. Посвящён войной в воины. А за его спиной дом родной. А за его спиной – Родина. Её называем матерью. Обзываем её уродиной. Но стоит он, как оловянный солдатик из сказки Андерсена, на блокпосту у Горловки. Стоит наш Последний праведник. Стоит Последний наш часовой. Он словно метка для нашей памяти. Он словно памятник, но живой.

«Кровь сочится сквозь ватник, стекает на землю и в сапоги. Ты медсестра или ангел? Помогите! И снег становится алым, и снег становится тёплым, был я живым солдатом, стану мёртвым! Отныне мой топос – космос, укрытое настом поле, здесь руки мои разбросаны в объятьи последней юдоли.
Сердце щенячьей мордой высунулось наружу. За други своя живот свой я отдаю и душу».

Той ночью снилась мне Богородица, говорила про Святоград. В чёрной степи, припорошенной снегом, в землянке в один накат Алёшка кончался на ватнике, каплями земляники проступала кровь, и было тепло, даже жарко от предсмертной горячки, и губы спеклись в улыбке кривой: только брату не говорите, как умер я, скажите, мол, пал как герой... и медсестричка Надя, влажной губкой промокала ему губы, и шептала: «Терпи, родной».

*Бей-бей-бей!
Барабань-барабань-барабань!
Сердце, я говорю тебе,
Не замирай!
Бей-бей-бей,
Барабань-барабань-барабань,
Рано тебе
Переходить за грань,
Рано тебе
За горизонт,
В последний поход.
Выдох-вдох.
Рот-в-рот.*

Кровь сочится сквозь ватник, по капле уходит жизнь, отважный солдат мой! Держись!

Плакать было нельзя, плакать она отвыкла: скоро наступит лето, вырастет земляника, сладкие ягоды, жаркий июнь...

Ах, Алёшка-Алёшка!

Пал смертью храбрых, в бою.

*Говорила Родина-мать:
Не бойся, солдат, умирать!
Я тебя прикрою, я тебя спасу,
Я тебя с собою в вечность унесу,
Там, где колосится жито и ковыль,
Чтобы вечно жил ты!
Чтобы вечно жил!*

Отпоём отпетых хулиганов-сорвиголов, безымянных и безответных, отдавших живот за любовь.

Отпоём отпетых, пухом земля солдатам отважным и верным, жизнь отдавшим за други своя.

Отпоём отпетых, не зря же мы говорим: «Отныне бессмертны! Вечная память им!»

Не помню, как наступило утро. Я вышел в поле. Гляжу, почерневший подсолнух с головою понурой, будто шахтёр после забоя. Глаз не поднимет. Не шелохнётся. И светится ясным нимбом над ним восходящее солнце. И стоит он совсем один посреди зимы, посреди войны, сгорбленный и сухой. Как Последний праведник. Последний часовой.

ЭПИЛОГ

Последний часовой стоит на страже родного града. И над ним проносится чёрная конница – чёртовы дети ада! Он падает замертво, успев понять, что позади пустота – Фата Моргана – нет ни Святограда, ни Новороссии, а только дикое голое поле истории.

И поле воздвигает простой ополченец, вернувшись с войны. И восходит солнце, дети собираются в школу, липы благоухают, и мне сдаётся: любовь не сдаётся и не умирает! Ведь так, пацаны?!

Конец

2014-2020

НОВОРОССИЯ ГРОЗ: ФЭНТЕЗИЙНО-ПАРТИЗАНСКОЕ МНОГОБОЖИЕ ИЛИ ПРАВОСЛАВНАЯ ОРТОДОКСИЯ?

«Новороссия гроз. Новороссия грёз» – это пример того, как сливаются воедино самые ужасные предчувствия и самые сокровенные мечты. Собственно, эпиграфом к поэме служит «Святая Троица», заключающая основной посыл: «Скрепно. Ватно. Сакрально». Слабонервным не читать.

При этом «Новороссия» напрямую перекликается с другой поэмой Елены – «Немо», которую мы осмысливали ранее в рецензии «Как обрести запретную любовь?». По сути, это одна и та же история о невозможности любви между представителями двух разных миров. Это один и тот же экшн, только с разных точек зрения, в разных мерностях. В «Немо» основной уровень поэмы – мифический. Ведь ни для кого не секрет, что миф, в котором с рождения и до смерти обитает всякий русский человек, – это сказка: про мышку-норушку, колобка, избушку, курочку и деревенского смекалистого дурачка. Это более древние, чем все религии вместе взятые, космогонические истории.

В поэме Русалка любит Немо, её избранник – безымянный Никто. Этот Nopame – пришелец извне мифа, герой другого романа, чужак. Луганск – некий затонувший город, и это тоже древний миф многих народов: клочок земли, который будет поднят из пучин хаоса, с самого дна, то ли волшебным вепрем, то ли царём дэвов. Это один из мифов сотворения.

В «Новороссии» же магический, языческий мир пурпурного народного фольклора, вперемешку со скандинавским пантеоном и Голливудом, становится контрастным бэкграундом православного мира, старчества и животворящих икон. Словом, всё это буколическое фэнтезийно-партизанское многобожие теперь выглядит как зелёная поросль у величественного храма. Луганск предстаёт границей света, последним оплотом, в буквальном смысле, за которым в бездну срываются люди и сказочные персонажи, прямиком в заворот и пограничье жизни. Мы проследим движение сюжета и его героев через исторические типы эпоса согласно теории Ярослава Василькова, где

первый – это архаический (что отнюдь не синоним «примитивного»!). Он распространён именно у тех народов, которые смогли сохранить культуру с доминирующим мифологическим образом мышления.

Общий взгляд на мир архаического эпоса проникнут оптимизмом, фоном и моделью служит оптимистически окрашенный миф сотворения мира. Так, Марсий, фавн, которому Русалочка из «Немо» рассказывает свою историю, символизирует творческие Силы Природы. Даже проиграв состязание Аполлону и будучи освежёванным, он попадает на Олимп. Так природное становится культурным, будучи трансцендировано, лишившись своей оболочки.

Русалка – это тоже обительница древнего мифа, ведь русалия происходит от «розалии», названия праздника поминовения предков, в ходе которого плелись венки из этих цветов и пускались по воде.

Герои архаического эпоса, как правило, божественного или чудесного происхождения. Они повторяют на Земле те действия, которые совершали боги и предки при сотворении мира. Они, в этом смысле, отыгрывают свои роли, даже не смотря на их трагичность, исправно исполняют свой долг на сцене этого Божественного Театра.

Рапсод Марсий пересказывает истории, которые ему доверяют, в своих песнях – в конце концов его казнит Аполлон. Русалочка, как и положено, умирает за любовь и сливается с морем. Каждый из них обретает некий статус бессмертных образов.

«Новороссия» же – это следующий уровень, этап исторического эпоса: классическая героика. Здесь уже воспеваются деяния конкретных исторических личностей, события славного национального прошлого и настоящего. Герои всё менее чудесные существа и боги, всё больше – люди, деяния которых уже не сводятся к повторению и воспроизведению «па» создателей в танце творения: у них появляется свой путь. Герой один перед лицом фатума осуществляет свой выбор, и либо исполняет судьбу, либо гибнет, восстав против неё. Архаичные патриархальные ценности здесь словно разрушаются, довлеет вера в безличную непостижимую судьбу. На этом уровне фон образует уже не историей о сотворении мира, а напротив, хроникой его разрушения, светопреставлением, эсхатологическим мифом. И он как правило несёт уже чисто художественную функцию, придавая эпическому действию апокалиптический колорит.

На этом уровне Русалочка уже не просто языческий образ «морской розы», борющейся за свою любовь. Она становится одной из тех, кто прозревает конец времён:

*Храни же нас, Дева Пречистая,
Ибо обречены,
Маргиналы и экстремисты,
Джедаи вымышленной страны.
Выстраданной Новороссии,
Новороссии гроз и грёз!
Ведёт нас жемчужной поступью
Сын твой в венке из роз.*

Здесь её возлюбленный – это Человек-Терминатор, в том смысле, что он не до конца, но лишь наполовину принадлежит этому слою, скорее относясь больше к архаичному, связанный долгом и уже заранее обречённый на бессмертие. В эсхатологическом же слое, в котором находится его избранница, мир более шаток, чем война, а «живые позавидуют мёртвым». Влюблённые словно эквилибристы балансируют на границе двух разных Вселенных, умудряясь поддерживать связь через «мобилку», трофей из мира мёртвых – тот же телефон-ракушка из «Немо», где спираль есть символ воскрешения.

Любовь вопреки всем законам удерживает их вместе, являясь единственной в этом кровавом вихре реальностью, которая заставляет просыпаться по утрам, куда-то идти, жить в условиях, в которых и выжить-то мало шансов. Парадоксально, что посреди фарша, в который превращают город, как никогда хочется любить, быть любимым и шептаться об этой любви с Ангелами. Вокруг разрываются снаряды, и тебе даже стыдно за свое личное чудо, ведь не может быть хорошо, когда вокруг ХХI чистилище.

Это не война романтизируется, нет – это она подло вторгается в любовь и романтику, заставляя поэтов и влюблённых брать в руки оружие. Речь идет о войне, но увы, не о той, которую описали Делёз и Гваттари в «Анти-Эдипе». Это не та Машина Войны, которая направлена против укрепления власти органов и усиления контроля. Это не та война, которая «по-честному». Речь о братоубийственной войне, которая ведёт к отрицательному отбору и деградации, абсолютно противоестественной войне, которую можно сравнить разве что с инцестом.

«My life was taken to feed the Machine» – жизнь каждого ста-

новится жертвой этому прожорливому и слепому божеству. (Одно из значений Machine – это миссия, но в данном случае речь идёт об анти-миссии, срыве божественного плана и порядка мироздания). Но на каждую аберрацию находится своя управа – не в уютном кабинете психолога, нет: речь о суде Божьем, который выше любого человеческого. Каждый в этой войне принимает только одну сторону. И либо несёт свой крест, либо бежит от своей судьбы.

Как и в сказочной поэме, в «Новороссии» лингво-технологии, квази-словарики и прочий новояз выступают паразитирующими на мире программками дегуманизации, стирающими лик человека, который есть по образу и подобию Божьему. В «Немо» технологии извне, типа дронов и роботов, расколдовывают сказочный мир, тем самым разрушая его, лишая сил. В «Новороссии» очевидно, как новояз разрушает структуру привычного бытия, накликая и приближая приход последних времён и прочих «коней Апокалипсиса».

Очевидный план – это личная история, история любви и отношений, история самопожертвования и обмана. Неочевидный – описание того, как уходит благодать из мира, прямо на глазах, сквозь пальцы утекает как вода, манифестируя невозможность войти в одну реку дважды. Это печальное необратимое предрекалось многими святыми, но в деталях показано лишь в немногих текстах, которые мы называем откровениями.

Елена Заславская не просто рисует эту картину Апокалипсиса с точностью, которая достигается синтезом иконографии и батального жанра, она ещё и наносит интерактивную карту, которая как стерео (переливающийся) календарик, содержит локации до- и после- войны. Под одним углом там люди живы и занимаются привычными делами в привычных местах, поверни ещё на несколько градусов, и многих из них уже нет, вместо них – вспышка, вместо мест – воронка, Лавкрафтовские территории безумия.

Это не только о человеческой любви главных героев – она является лишь отблеском, как это ни странно прозвучит, отсветом божественной любви, суть которой раскрыта через личность старца Филиппа Луганского, милостью которого город и его жители находятся под защитой высших сил. Старец дал наставления относительно наших времён, о том, что земля луганская даст защиту многим православным, и как бы ни было тяжело, покидать её нельзя. В самой поэме немало сказано о невероятной силе молитвы даже не чудотворца – простого

человека. И в этом смысле, подытоживая всё сказанное, мы можем говорить о третьем историческом уровне эпоса – о так называемом «позднем» или же религиозно-дидактическом. Здесь пессимистические рассуждения о Роке и Фатуме наталкиваются на соотношения свободной воли человека и судьбы. В христианской философии, в самой вере заложен приоритет человеческой воли, которой он наделён от Творца. Бог, который есть беспричинная любовь, есть и причина свободной воли в человеке. Это и есть его главное оружие в борьбе между Светом и Тьмой.

В «Новороссии» также звучит мотив подмены чистого образа веры и святости (иконы) скетчбуком – в прямом и переносном смысле. Увы, чтобы, отличить подлинное от профанации (а «профан» – это место перед святилищем – уж никак не сам алтарь), нужно иметь опыт соприкосновения с истинным. А получить его иначе, как с чистым сердцем и намерением, по милости Божией, нереально, под какими бы флагами или лозунгами ты ни выступал.

Возлюбленные в поэме принадлежат разным уровням эпоса. И в «Немо», и в «Новороссии». В какой-то момент, как ни крути эту волшебную табличку, они уже не выпадают в один слой вместе. Даже в случае смерти они окажутся разделены, ведь павших героев забирают в Вальгаллу, или в Индралоку пить с богами амброзию... Чтобы предпринять попытку спасения и воссоединения, героиня выходит далеко за пределы этой карты, она перемещается в реальность голландских живописцев.словно путешествие Русалочки, точнее, разведка, в мир людей за своей любовью. Но увы, тюльпановый рай – это наркотический туман, который уводит ещё дальше, на самые задворки надежды. Артефакт, который мог бы спасти жизнь её суженному, коварно подменяют, как Кикимора подменяет дитя в люльке на жабу, как Отец Лжи подменяет правду на обман, а вор – икону на свои каракули. Подлость оборачивается против её содеявшего. Весь этот долгий путь (от архаики к религиозной дидактике, утверждающей превалирование Свободной Воли над Судьбой) героиня проходит, чтобы понять, что есть единственное реальное оружие на этой войне – любовь. Именно ею, как выстрелом, в своей личной битве она поражает Смерть и то, что её несет.

2021

ДОНБАСС: САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ИЛИ ТЕРРИТОРИЯ ИНФЕРНО?

Человек существует в культуре, формируя сакральные пространства на основе культурной памяти и экзистенциального опыта. В военное время человек оказывается в ситуации предельного выбора, когда его личный опыт опирается на культурную память народа и земли, сохраненную в виде архаичных культурных архетипов. Одним из древнейших архетипов русской культурной памяти является образ России как пространства реализации христианской святости, которая проявляется в подвиге самопожертвования. В современном Донбассе в период войны с Украиной, идущей с 2014 года, ситуация предельного выбора приводит к воссозданию хранящегося в культурной памяти образа России как христианского пространства. Литература Донбасса получила мощный жизненный импульс, прикоснувшись к этим первичным структурам человекотворческой реальности в их действенности. Одно из бесспорных имён этой новой литературы – Елена Заславская, создающая в поэме «Новороссия гроз. Новороссия грёз» (2020) сакральное пространство русского военного Донбасса.

Война – это время обращения к глубинным пластам культурной памяти. Структуры коллективной психологии, латентно хранящиеся во времени рутины, разворачиваются в период предельного выбора, когда каждый человек и социум в целом должен ответить на вопрос о смысле существования и борьбы за свою идентичность. Война в Донбассе поставила эти вопросы не только перед теми, кто находится в окопах на передовой, но и перед всеми людьми Русского мира. Живущие в Донбассе люди мирных профессий также оказались в ситуации экзистенциального выбора, когда каждый должен своей решимостью и своим действием утверждать свое собственное бытие и его сакральные основания, воплощая смыслы русской культуры, сохраненные в культурной памяти.

В русской культурной памяти хранится образ России как пространства, в котором сакральные христианские ценности в

принципе могут быть реализованы. Одной из наивысших ценностей в христианской культуре является жертвенность – способность человека повторить путь Христа, пойти за Ним вслед, отдав свою жизнь за других. Места, где совершается христианский подвиг жертвенности, сакрализуют пространство, создают выделенные топосы реализации христианской святости. Христианский подвиг жертвенности является принципом, формирующим сакральное пространство Донбасса в поэме «Новороссия гроз. Новороссия грёз», созданной на протяжении военных лет, начиная с 2014 года. В поэме показаны воюющие республики, Украина, Европа, настроения революционеров Майдана и ополченцев Новороссии. Поэма связывает настоящее и прошлое Украины и России, повседневный и сакральный планы бытия и показывает Донбасс как место жертвенного подвига.

Новороссия – исторически сложившееся название южнорусских территорий, значительная часть которых находится сейчас в границах Украины. Новороссия включает Северное Причерноморье, Донбасс, Крым, Кубань, область войска Донского. В 2014 году, после антирусского государственного переворота на Украине, Новороссия стала территорией сопротивления. Крым был присоединен к России в марте 2014 года, Северное Причерноморье осталось в составе Украины, а Донбасс начал войну за свою независимость от Украины. В первый год войны, описанный в поэме, Новороссия стала символом русского сопротивления. В последующие годы важнейшим в символическом плане регионом Новороссии стал Донбасс.

Тема родного Донбасса занимает центральное место в поэме Заславской, что подчеркивается сильной позицией текста – эпиграфами.

Первый эпиграф, в котором описывается сакральный смысл происходящего в поэме, представляет собой цитату из жития старца-диакона Филиппа Луганского: «13 июня 1905 года явилась Царица Небесная старцу Филиппу и сказала: "...И день сей явления моего граду Луганскому помни, и учи всех чтить его, о граде же сем скажу, что к концу мира наречется он – Святоград Луганский. И многие люди будут съезжаться сюда в преддверии этих грозных дней, сами не зная зачем"». Как разворачивается судьба Святограда Луганского в грозные дни 2014 года, показано в поэме.

Ещё один эпиграф принадлежит японскому писателю Кобо-Абэ и взят из романа «Женщина в песках»: «Да, у нас строго

придерживаются заповеди: «Будь верен духу любви к родине!». Так происходящее в Донбассе вписывается в общемировой контекст.

Последний эпиграф – это всего два слова героя России Магомеда Нурбагандова: «Работайте, братья!». С помощью этих слов события включаются в российскую действительность, становятся частью русской современности.

В этих заданных на первой странице координатах и формируется сакральное пространство Донбасса, в котором помещаются Луганск и другие донбасские города.

Луганск выступает как Святоград – сакральный и смысловой центр поэмы. Для жителей Донбасса и луганчан Луганск с первых же строк поэмы – «край света, край мира, фронтир, где дышит война». В то же время в Луганске находится дом героини, сохранивший довоенный уют: «Взвалить бы его на спину и унести, как уносит улитка, со всеми пожитками, со старыми фотографиями и открытками, с детскими локонами и дипломами, книгами, письмами, записками, со всеми важными датами, впечатанными в альбомы, с родительскими портретами, дедушкиными наградами, с рисунками самыми первыми, сохранными мамой, с его очагом и памятью, – всем тем, что зовём мы домом, всем тем, что навсегда остаётся с нами...».

Довоенный Луганск задаёт ориентиры, позволяя героине выстоять и выжить во время войны, в период масштабной трансформации и экзистенциального выбора: «И вдруг я понимаю, что привыкла к безжалостному лику войны, внушающему липкий страх и животный ужас. О, как я раньше боялась, но что-то, видно, внутри сломалось... Я мыслю своим улыбнулась. Я больше не буду пушечным мясом, а буду ядром, снарядом, маленьким жгучим атомом, ответкой! Меня заждались, поди уж».

Решение защищать родной город и свою землю соединяет героиню с другими русскими людьми, вводит её в пространство памяти, сохраняющей погибших и живых: «Однажды ты встаёшь на тропу войны, а она оказывается широченным проспектом! Братья и сестры, дочери и сыны летят на скорости прямо в бессмертие. Жалят осколки, бьют по глазам, липнут бессмертники прямо к берцам, и не выдерживают тормоза. Главное, выдержало бы сердце». Так земля Донбасса, Новороссия гроз становится пространством реализации жертвенного подвига, местом оживания исторической памяти и формирования христианского пространства на западном рубеже Русского мира.

В сакральное пространство Донбасса включены и другие донбасские топосы: «Мирной жизни не существует. Это иллюзия и обман. Кони АТОкалипсиса вытоптали Новосветловку, вытоптали Горловку, вытоптали Сутоган. Пронеслись по Донбассу, без жалости, оставляя кровавый след».

Городки Донбасса конкретизируются в человеческих судьбах, в реакции людей, там проживающих, на идущую войну, воспринимаемую ими как вызов, требующий ответа в христианском пространстве самопожертвования. Таким образом автор выстраивает все образы донбасской земли: деревню, пострадавшую от артобстрела, разрушенный завод, затопленную шахту. «Хаты, побитые градами. Хаты, побитые гадами. Помню, дом с перекошенным ртом дверного проема застыл в вопле Немом после артралета. Бабулька собирает пожитки: “Жили мы, жили, да ничего не нажили. Только привычку к простору, чтобы выйти в поле и сколько хватает взора – степь: ковыли да маки, и сокол летает, как ангел”».

Аналогично строится образ завода в одном из городов Донбасса – локализация места действия даётся вместе с комментарием пережившего событие человека: «На заводе прокатных валков – Сталинград. Три дня подряд горел цех разливки стали, когда его обстреляли. “Была бы станина, – мечтает начальник цеха. И руки его от работы черны и огромны. – Станки отстроим. Отремонтировали же домну!”».

Одна из многочисленных шахт Донбасса, пострадавших во время войны, также показана в двух аспектах: как символ войны и разрухи, но одновременно как воплощение веры и надежды людей, для которых подвиг самопожертвования стал принципом существования: «Ствол шахты “Знамя коммунизма” затоплен. Грунтовые воды. Старейшая шахта 4-бис. И люди сидят без работы. “Разве это жизнь? Доедаем свои гробовые. Горе, мне горе, – вздыхает бабуля, – а впрочем, и это неплохо. Ещё немного, и придут гуманитарные конвои, весна, а там, глядишь, и Победа”».

Такое двуплановое построение образа позволяет поэту показать читателю весь Донбасс как землю Святограда, которая оживает и освящается страданием людей, её любящих, оставшихся на родине, защищающих её и надеющихся на победу наперекор всему. Именно незаметный подвиг людей, их любовь к родной земле, стремление работать для её восстановления, способность пожертвовать за неё жизнью вводят донбасскую географию в сакральное пространство.

Без сопереживания и осознания подвига жителей Донбасса его территория предстаёт десакрализованной землей ада: «Как-то в газетах писали укрупы, что город наш подобно Содому с Гоморрой должен ответить за грехи его обитателей. Роль Бога они отводили украинской армии...». Так, для одних героев поэмы Луганск – Святоград, потому что его жители жертвуют своей жизнью за родину, а для других Луганск – грешный город, который должен быть стёрт с лица земли, потому что не хочет существовать в культурном пространстве постмайданной Украины.

Взгляд с другой стороны представлен в поэме в монологе украинского добровольца, карателя АТО: «Я отправился на восток. В регион тринадцать. В город, в котором детство моё живёт, в город, в котором мой младший брат остался. Я вырос в сердце Донбасса, среди шпаны и урок. В городе Перевальске, или в городе Парижской коммуны, как раньше он назывался». И ещё: «О, эти маленькие донбасские города! Как говорят креативные блогеры, депрессивные. Каждый такой, будто чёрная дыра... достал сиги, затянулся, вспоминая пацанов из своего двора. Тоха сторчался, Вовчик спился, Серёгу подрезали в тюрьме... И как эпитафия на пачке надпись “мучительная смерть”».

Неспособность противостоять смерти, распаду и аномии, которые герой видит вокруг себя в довоенных депрессивных городах Донбасса, вызвана недостатком душевной силы, веры и любви к людям. Такое мировидение приводит к тому, что человек не может участвовать в преобразении мира и нацелен на разрушение, а не на созидание. Сначала он идёт на Майдан, чтобы разрушить то, что в его представлении мешает создать новую Украину, потом идёт на войну, чтобы стереть с карты Донбасс, который не вписывается в новые реалии. Неспособность увидеть за событиями людей, почувствовать их живые души на разрушенной и бедной земле приводит к тому, что украинский военный не видит сакрального плана событий: «И всё-таки мне невдомёк, на хрена вы воюете тут? На хрена умираете тут? На хрена вы схватились за земли эти корнями и жизнями, которые никуда не ведут?».

Противостояние двух взглядов на историю, двух способов осмысления происходящего проводится в поэме до самого финала: «Последний часовой стоит на страже родного града. И над ним пронесётся чёрная конница – чёртовы дети ада! Он падает замертво, успев понять, что позади пустота – Фата Моргана – нет ни Святограда, ни Новороссии, а только дикое голое поле

истории. И поле возделывает простой ополченец, вернувшись с войны. И восходит солнце, дети собираются в школу, липы благоухают, и мне сдаётся: любовь не сдаётся и не умирает! Ведь так, пацаны?!».

Итак, в образе Луганска и городов Донбасса в поэме выражены две версии истории – сакральная и десакрализованная. В первой из них Луганск – это Святоград, попавший в сакральное христианское пространство благодаря самопожертвованию своих жителей. Во второй, десакрализованной версии, которую высказывает украинский доброволец, Луганск и Донбасс – безжизненная территория, лишённая смысла, дикое поле истории, на котором ничего нет. Однако это поле засевают люди, превращают его в возделанную землю, создавая смысл своими действиями, чувствами, любовью.

В поэме Елены Заславской «Новороссия гроз. Новороссия грёз» Донбасс предстает как порубежье Русского мира, где в реальной жизни объединены темы памяти, защиты Родины, христианского самопожертвования ради других. Война Донбасса с Украиной в 2014 году показана в её символическом значении, а художественные образы городов Донбасса в поэме позволяют сохранить военные события в культурной памяти русского народа.

2021

ГРЁЗЫ НОВОРОССИИ ИЛИ ГРОЗЫ УКРАИНЫ?

*Я похож на бога,
но не на столь великого,
чтобы прощать.*

Владимир Маяковский

Не уверен, что были такие провидцы, что в столетие первой мировой предвидели именно эту драму. Конфликт на юго-востоке Украины первоначально казался началом отторжения скверны. Вспомним, как пел Высоцкий:

*Наконец-то нам дали приказ наступать,
Отбирать наши пяди и крохи.
Но мы помним, как солнце отправилось вспять
И едва не зашло на востоке.*

Будто вновь сошлись грозами и молниями бывшее и настоящее, жизнь и смерть, Святоград и нечисть, позор и Победа... Тема войны в благополучных странах скорее преходяща... Забыта часто так, что молодые несут чушь и не помнят, кто с кем воевал и на чьей стороне были их ветераны. Наши не ошибутся ли? Тема преходящая превращается в то, что Александр Проханов назвал Великой Отечественной религией. И здесь есть проблема переноса акцентов. И не так она проста, как кажется пропагандистам новой волны.

Автор ставит вопрос по существу уже в «Прологе»:

*Последний часовой...
падает наземь, успев понять,
что позади пустота – Фата Моргана –
нет ни Святограда, ни Новороссии,
а только дикое поле истории.
Он умирает с вопросом:
«Кому нужна была эта жертва, Господи?»*

Честно поставленный вопрос требует такого же ответа. Ответ – сама поэма, в ней всё не так однозначно и выслушаны стороны, свои, чужие, посторонние. Сторон больше, чем направлений основных ветров. Но автор не флюгер. У него своя правда, своя надежда на то, что, пусть не целиком, но совпадёт она с истиною. Человек, за которым бы героиня поехала как жена декабриста, хотя и не жена, здесь рядом. На край света не надо. «Вот он – край света, край мира, фронтир, где дышит война».

Элоквенции Дикого Поля

В поэме грозно прорываются два исторических антифашистских мотива: «Не забудем, не простим» и «Таких щадить нельзя». Это нервно-кроваво-страстный сюжет Донбасса четырнадцатого года, камертон настроений, которые постепенно переходят в будничное нечто, чему потребуются потом другой тембр слоганов. Поэт – бог – творец своих созданий. Но, по Гейне, он ничего не создал бы, «не будь у него материальца». А он-то взрывной!

Грозный фон событий четырнадцатого года, параллели с прошлым, конечно, несомненно, интересны. Но поэма, о которой пойдёт речь, много осмыслена и многослойна, проросла во времена настоящие в прошлом, прошлые в настоящем и прочих временах, включая и будущее в будущем. Быть ли нам или Дикому полю облупиться мелом на новых курганах, прячущих самоотверженность и преступления под степными ковылями и одуванчиками?

Поэма Елены Заславской «Новороссия гроз. Новороссия грёз» (2020) – важнейший литературный факт минувшего года, событие в идейной жизни, культурный феномен. Нисколько не преувеличивая, можно сказать, что восьмая поэтическая книжка для взрослых известной поэтессы является кульминацией, итогом и в какой-то степени завершением военной линии её стихов, её, такой склонной к новациям и элоквенциям, авангардизму и верности коренному руслу отечественной поэзии, что трудно понять, как такие совмещения возможны. Есть, правда, и опасность, что повторяясь в теме, вставляя старые стихи в новые книги, можно прийти к передаче бывшего опыта. Но упоение новым видно прежде всего в языке метафор, чьё обновление говорит о росте поэтической вооружённости автора. Однако обо всём по порядку.

Изошрённый поэт среди истощённых

Общественно звучат подчас и хлопущки-однодневки. Перед нами же нечто иное, как зачин былины и как лирическая повесть наших дней. Поэма писалась долго, и настроения разных времён нашли в ней отражение.

Структурно она условно проста, состоит из четырёх внешне законченных частей, а те как бы (но это только как бы!) из отдельных стихотворений, каждое может быть рассмотрено как отдельное маленькое произведение, а возможно, таковым и является. Тем не менее архитектоника цельна, органична, объединена темой, идеей, метафорикой. О последней сразу же повторим Дон-Кихота: «Наконец-то среди нынешних истощённых поэтов вижу поэта изошрённого!» Виртуозное владение словом, сближение высокого и низкого, привычного и поэтически свежего, переключки метафор с традицией и новации современной речи – всё это оттеняет богатство формы. Стих с внутренними рифмами не очень-то легко даётся и тем больший интерес вызывает. Адекватность содержанию очевидна.

Семантически поэма сложна, составные мотивы расходятся потоками и ручейками, чтобы собраться в единый грозовой фронт, не отменяющих грёз героини. Лирические поэмы иногда принимают за другой жанр. Но перед нами – она, лирическая поэма. Хотя и с задиристым предупреждением: «Тому, кто здесь не был, кто не отличает фейерверк от обстрела, меня не понять». Но это указание на причастность, к которой поэт хочет приобщить другого. Это – риторический приём, иначе бы автор не обращался к читателю.

Интеллектуальные контрапункты поэмы

Четыре части делят смысловое пространство поэмы и течение её временной звуковой дорожки (попробуйте читать вслух – иное временное отношение к рассказываемому). Переменяемое далями и хронотопами целое впечатление начинается с вызывающей заявки «Все герои реальны, все совпадения не случайны, все права беззащитны», а также и потрясающих трёх эпиграфов, предупреждает, что замысел выходит за пределы пространства-времени здесь и сейчас. От пророчеств Филиппа Луганского о Святограде, заповедей любви к родине из романа Кобо Абэ «Женщина в песках» и до слов героя России Магомеда Нурбагандова «Работайте, братья», сказанных под

стволами бандитов, размах обобщений обещан. Странно, но все они, эти эпиграфы-украшения, предвещают эмоциональное приключение духа, являясь и интеллектуальными контрапунктами между темами.

Кто он, последний праведник и последний часовой? За что воюет, что бережёт? Не грёза ли о несбыточном ведёт его? Не гроза ли нынешняя убьёт? Последний герой. Последний романтик. Последний праведник. Не слишком ли мы уверовали, что всё в прошлом? А как насчёт будущего? Там что, они не нужны? Или у них, как у Геннадия Зюганова, Россия исчерпала лимит на революции?

Но нет. Всё сходится. Метафора живёт, ею же обжигается цоколь монумента героев Новороссии. Поэма венчает длительные поиски смыслов происходящего. А они в единении, в братской любви. Да, путь, похоже, долгов. Не скоро выпится и протрезвеет Украина.

Инцестуальная жуть войны

Персонажи поэмы многозначны, и неоднородно само явление Новороссии. Надежды на победу первоначального замысла убывают, новое прочтение недавней истории как бы и не за годами, и не приходит.

А ведь достаточно выполнить Минские соглашения временщикам... Да боятся, что время их закончится. Потому сопротивление продолжается. И литература славит это продолжение. И высокое призвание грядёт в поэтических образах.

Первая часть самая жуткая. Жуть по Фрейдю инцестуальна. Будто дети мать насилюют. Так и война – Землю. Будни войны, обстрелы города, страхи и их преодоление у героини и её избранника. Нет, никто героем не родился. Все прошли через страх, не все выдержали. Нормальной была скорее реакция бегства из города, реакция большого потока... Но фактическая сторона сопротивления ощущается в скупых ремарках о реальности происходящего, узнаваемого, но не разделённого теми, кто сам не испытал. В развёрнутых и не очень репликах персонажей осмысливается тень войны нынешней, предшественницы другой, большой войны, на которую настроились недруги России. Не важно, будет ли она именоваться тотальной второй, мировой третьей, ядерной первой или Крымской второй... Обложили Русь. Им же аукнется бойня в Донбассе через годы...

Таинство истории и судьбы

Поэт и её героиня причастны таинству истории и судьбы...
А отсюда некоторое превосходство над остальными. Если мы говорим о кульминации темы в поэзии Елены Заславской, то потому что не хотим повторений, они подрывают искренность интонаций, неповторимость ощущений. Быть поэтом военной темы всё же, нам кажется, а возможно, что ошибаемся, не её стезя. Так уж получилось по жизни. Кто ты по жизни? Военный или гражданский, фашист или антифашист, трус или избранник судьбы – раскрывается на примерах не сразу. Многие примеры документальны, этих людей знали или знают в городе. Герой чувствует свой долг и идёт в отряд Призрак:

*По Донбассу бродит Призрак
От Счастья до Светличного.
Говорят, комбат мой красный,
Лишь бы не коричневый.*

Мир уходит из региона:

*Кони АТО-калипсиса
Вытоптали Новосветловку.
Вытоптали Горловку,
Вытоптали Сутоган.
Пронеслись по Донбассу без жалости,
Оставив кровавый след.*

А вот и первая из многих смертей в поэме:

*Сосед вышел покурить.
Так его и не стало.*

*Ты ещё молод,
Но наступает опыт,
О котором ты не просил!*

Реалии массовой культуры и реалии антифашистского сопротивления соседствуют: отряд лимоновцев имени Хлои Морец, актрисы из фильма «Пипец», а в следующем абзаце разбомбленный дом, где когда-то в Луганске была пивная «У Хэмингуэя»: «Да здравствуют интербригады! Как при старике Хэме». Но есть и те, кто стал не за тех («Макаревич уже не тот»).

Езда на трофейной машине, госпитальные страсти умирающих, молитвы Новороссии, но главное – судьбы разных людей. Некоторые хотели реабилитации, некоторые приехали умирать, но выжили, некоторые за идею, некоторые отомстить за родных, но все не посторонние...

Об Архипе-Истребителе заплачет только мамка да кошка Царапка, что носил он в рюкзаке. Укропы лупят по Первомайску. Минимум три пожара в день. А в Луганске в подвале ДК Ленина люди прячутся от обстрела... Вспоминается и мне. Сынишка восьми лет, бегущий по стерне, в четырёх км от Первомайска с восторженным криком: «Папа, папа... Фашиста подбили!» В небе самолёт кренится на сторону. Выпускает радужные обманки... Готов! Герой поэмы одевает на палец героине колечко от РГД и рассказывает о бое под Сутоганом. Лирик берёт верх над сумятицей. Нужна дистанция:

*Знаешь, что такое поэзия?
Это ночью со своего балкона
Заметить созвездие Ориона
И на правом его плече
Звезду Бетельгейзе!*

А ниже строками:

*Это всё, что у меня осталось:
Пуля, лира и звезда Бетельгейзе.*

Герой не ангел. Он готовился поступить во Французский легион, учил французский, приобщал к нему героиню.

Те, кто по ту сторону баррикад, кто пел в подъезде песни Летова и Цоя. Мы ведь помним Летова, чья строчка украшала заборы России в период зверской приватизации: «Винтовка – это праздник!». Праздник наступил, но освобождение не дано тем, кто принял неправильное решение. Они – мы, мы – они... Как это трудно разорвать, но необходимо.

*...Трофейный телефон.
На нём смс от матери.
«Синочок, ты пораненный?»
Жалко мне стало мать,
слёзы сдавили горло,
но я вспомнила наших солдат
и смс-ку стёрла.*

Финал первой части: в список обмена обещают включить пленённого укропами героя... за 10 000 евро.

Донбасс в коловращении дьявольских энергий

Жуть первой части сменяет весенний пейзаж, за которым следуют сюжеты из жизни рода героини. Это наиболее понятная советская по сути лирика с её ограничениями и пронзительно знакомыми сюжетами Великой войны. Старый комбат у Бахмутки... Новый облик последнего часового, уводящий в пласты истории: «На голове будёновка, а в кобуре наган. Смесь иконы и плаката». «Наш Святоград стоит на плечах Атлантов, простых солдат». Но Донбасс един, это не только мы. Один не воин, но если он Моторола, то Великан. Бывший парнишка с автомойки, ставший героем.

Шемят душу сцены похорон укропа, за которым не пришли с той стороны. Написали: «укропу от казачества». Но тут же голос кума: «Буду за могилой ухаживать, когда война закончится». Много сюжетных линий объединяет героиня, но некоторые сюжеты дают горизонт видений, выходящих за пересказ эпизодов. Социально тема раскрывается как неизбежность судеб Донбасса в коловращении дьявольских энергий. Что им противостоит? Не только те, кто сегодня в окопах. Это и врангелевские танки у музея, и вся история города, и казачий полк имени Платова, героя войны с Наполеоном, и многое что ещё. У персонажей иногда вспыхивает ненависть к такой жизни: «Есть ли выход из этого ада? Я знаю, надо всё взорвать, чтобы древний океан Тетис затопил территории эти, чтоб ни черта не осталось, только водная гладь и ветер!». Но отчаяние проходит и появляются пререкания со смертью, вынужденной уступить желанию жить. Последний праведник ширяет смерть копьём: «Повоюем ещё с тобой!».

Второстепенный факт несовершенства

Мы вовсе не хотим сказать, что поэт создал эталонное произведение. Не говорим о совершенстве совпадений стиховых прозаизмов и прозаичности бытовизмов. Мы видим недостатки, но от них отвлекает мощный эмоциональный задор раскрыть правду, свою, подчас только свою, а иногда и всех сразу. В удачных местах.

Среди неудач поэмы, но мог бы об этом не говорить, мат. Одинокий, безжизненный, без необходимости. Некогда альма-

нах «Крылья» решал голосованием вопрос о том, печатать ли стихи Елены, в которых половой орган сравнивался с отбойным молотком. Благо, в этой поэме такого ужаса нет. Будучи убеждённым противником мата в литературе, я хотел было проголосовать против. Но потом решил: а пусть поэтессе станет самой обидно, противно и стыдно. И проголосовал против совести. В данной поэме мата мало. Но человек современный, знающий тренды, Елена не раскаялась, не застыдилась. Потому имеем и этот второстепенный факт несовершенства. Тем не менее, некоторое знание персонажей, по-видимому, говорит о жизненных явлениях, которые подвигают современную литературу на это минное поле, где взрывается то, что строится. Святоград, мат... Подумайте сами.

Слово новой поэзии на изломе постмодерна

Ещё важный момент состоит в том, что большие культурные стили разрушаются часто без нахождения заменителей. В отличие от эвфемизма – заменителя слова – заменители стиля – предмет тончайший.

Какого стиля придерживается поэт?

Стиль – это человек. Перекрученный стиль был бы перекрученным человеком. Но перекручено время, и это большой плюс. Вчерашнее читается как сегодняшнее. Поэма не банально актуальна, а опережает реакции опоздавших и упреждает от оценок постфестум (после праздника римлян), а не постфактум (после события в истории). Событие не закончено, вариации возможны, но для конкретного поэта нежелательны, ибо станут ненужным усложнением не сюжета, а самого чувства. Избежать раздвоенности себя и героя часто не удаётся. В этом отношении сознания героини и автора, что называется, конгениальны! Так и должно писать!

Слышу голоса в пользу четырёх стилей.

Реализм, постмодернизм, натурализм, авангардизм. С точки зрения источников и материалов всё верно, но как быть с носителем стиля? То-то и оно, что стилевые вариации в поэзии не могут быть отмечены, как в журналистике. Как получилось, так и получилось? Нет! Либо вы поэт, либо нет у вас звания выше версификатора. Ещё одна из версий? Нет, это не так. Перед нами, несомненно, слово новой поэзии на изломе постмодерна, но в его рамках. Только в каждой стране он срращивается с другими стилями в зависимости от традиции.

Следы авангарда накладываются на реалистический каркас, а натурализм (мат – его элемент броский, но не единственный) несколько портит дело. Постмодернистская поэма на реалистической основе с авангардистскими вкраплениями формы и отдельными натуралистическими вставками – на деле всё равно постмодерн. С этим связано и наше общее пожелание: ищите нового в самом слове, отражения нового в самой жизни. Легко сказать, но трудно сделать.

Разговор на могилах

Главное: дальше, дальше, не повторяясь, не верьте старым строчкам. Не вставляйте их в новые книги! Но вернёмся к тексту поэмы, её хочется пересказывать, но ограничимся точками смыслового единства, раскрывающего в деталях целое.

Вторая часть достигает кульминации в пленении героя и переживаниях лирической героини, которая вмещает в себя только одну сторону поэтессы Елены Заславской. Уравнять образ героини и образ автора не рекомендуется. Судьба одной в данном случае судьба многих. Ограничение рамок восприятия вызвало бы разочарование от пиара на могилах, но поэтесса не ради самопредставления затеяла разговор на могилах, которых в тексте много, как и убийств. Нет самолюбования, нет чернухи, столь, к сожалению, частой в текстах на сумрачные темы. Но есть обнажение нервов, есть непонятная постороннему ожесточённость, есть наивная вера четырнадцатого года в близкую победу, обернувшаяся восьмым годом ожидания прекращения конфликта.

Европейские ценности: киевский и голландский вариант

Третья часть посвящена поездке героини в Нидерланды. Иностранцы и русские из эмиграции оказались чужды. Икона пропала, что, казалось бы, позволит найти общий язык. Нет, европейское видение событий явно не наше. Героиня вспоминает родных и близких людей, эпизоды их жизней из прошлого. Культурная память не позволяет вычеркнуть страшное, примириться с забвением. Нет такого города Ворошиловград, рассуждает героиня, вспоминая заодно Лисичанск и завод Донсода из прошлого. Отряд Мозгового отступил из города. Там теперь укропы. Мечтается: «Пройтись по улицам твоим,

родным и узким, / Нарвать полыни у родных могил... Мне остаётся рифмовать вернуть – вернуться». И снова ожесточение сторон; «Зачем пьёшь?» – укропу. «Дурра! Разве трезвый ты станешь стрелять из автомата в живых людей!» Но дальше: «Чтоб вас всех там разбомбило, москворотых!». Оправдывает ли сакральная жертва небесной сотни беспредел майдаунов? Автор отвечает просто и точно: «А впрочем, для них мы все виноваты: пособники террористов, сепары, вата». И предвидение последствий ещё точнее: «Нас узы братские соединяли, могилы братские теперь разъединят».

Героиня проезжает Киев на пути в Нидерланды. Киев встречает её на каждом заборе всё новыми посланиями революции от кутюр. А ей вспоминается Ленин на роликах в изображении Бенкси. Он «жив априори», он мчит на колёсиках хохоча, а «в Украине, который день подряд Ленинопад». Символика поэмы парадоксальна как сама действительность: революция против революции – это метаморфоз контрреволюций. Ничего, жизнь расставит всё на свои места. Быстро проходит земная слава... Киев, прощай! От винта».

И вот она, заграница. Русские писатели – бандеровец и еврей – никакого сочувствия Новороссии? Даже не верится, но так. Лейден, кафе «Эйнштейн». Героиня приходит, не похмеляясь, а до водки эмигранты падки. А в Украине всё тоже. «Со всех экранов слова одни: в правительстве только монстры, оборотни, упыри. Выбор простой: сражайся или умри». Дальше выкрики против Януковича: «Панду гэть!». Но в головах мешанина. И получить деньги для обмена за кордоном вроде бы можно. Но нет.

Слюни гуманизма или справедливое возмездие?

Четвёртая часть начинается: надолго ли перемирие, состоится ли обмен? «Я возвращаюсь на родину. Ни с чем». Поездка по региону до Перевальска, города Парижской Коммуны, как он назывался когда-то. Тему продолжает убийство бандеровца. В одной связке с бандеровцем всегда фашист. Их не оторвать друг от друга, они – одно целое нашей истории и нашей современности. Поэтический порыв несёт поведенческий стереотип, который облегчает душу борца. «Он твердит: «На хрена вы схватились за земли, эти корнями и жизнями, никуда не ведут? А я прошептала: «Умойся». И спустила курок. Я столкнула его в пустоту».

Тут самое спорное место поэмы, которое могло бы помешать на конкурсе – а поэма достойна литературных конкурсов по высшему разряду – взять поэтический приз. Но в том-то и дело, что тема прощения амбивалентна, она сближает сусальную гуманитаристику с её вечными слезами веры, слюнями гуманизма и соплями демократии (не дай бог наказать виновного по всей строгости военного времени) и проклятость врага и предателя, естественность справедливого возмездия, непрощённость преступника. Адский выбор человека простого, чуждого доброхотству непричастных, вырисовывается поэтом по «гамбургскому счёту». Она не может простить братоубийство, однако оспорена непрощённость другими эпизодами поэмы, есть сочувствие к матерям мерзавцев, но не к ним самим. Ожесточение охватывает героиню, но мы понимаем, что в том нерв четырнадцатого года жив, мотив же победы уже отступает на второй план.

В новых реалиях незаконченной войны остывает – не сразу, постепенно – ненависть и желание мстить. Не простить для воевавших часто означает не предать. Память избирательна, но у неё есть индивидуально закреплённые сюжеты, не предусмотренные правом и моралью благополучных людей. От того мерзкими представлялись потуги Ющенко – оранжевого предшественника национал-коричневых – взывать к примирению воякив ОУН-УПА и ветеранов Великой Отечественной. Даже по ту сторону жизни и смерти не примирятся! Не пытайтесь лезть в души людей. Каждый умрёт со своей правдой. Истина станет достоянием грядущего... Помните: «Какой-нибудь поздний историк напишет внушительный труд...» А пока живы – горят синим пламенем слова прощения. Умножение зверств – вот результат прощений. Недобитый враг и предатель вдвойне опасны. Врага можно простить и отпустить. Так принято после самых страшных войн. Из 5,1 миллионов немцев и их союзников вернулись из плена 2,7 миллионов! Ненависть живёт в поколении, но сворачивается у последующих поколений в ходе естественной мирной жизни, в которой травматика не есть исход.

Своего, что предал, как видится в истории, наказывают жестоко. Может быть даже от страха: не сделать того, что сделал он. Но есть и идейная сторона дела. Толерантность – слово из лексикона голландских медиков: уровень паразитов в организме, который допустим, дабы здоровье сохраняло иммунитет. Когда же речь о толерантности к нацистам, клерикалам, расистам, предателям, перебежчикам, коллаборантам переходит в

толерантность к нацизму, расизму, коллаборационизму и так далее, то готовьтесь к воскрешению паразитов в растущем организме уже другого общества.

Четвёртая часть лишена дежурного оптимизма, что отличает её от некоторой продукции литераторов в манере шапкозакидательства. Всё равно, мол, побьём, на характер! А что, если договоримся? Будет ли это отступлением антифашизма, возвращением в прежнюю реальность путём взаимных амнистий, диалогом с более сильным противником, подпираемым ЕС и НАТО? Размышление о своём становится моделированием будущего в будущем. Казалось бы, чего проще: Украина выполняет Минские соглашения, и мир приходит. Ан нет! Дьявольский замысел именно в продлении конфликта, в тлении бикфордова шнура большой войны. Но нет и пессимизма, безнадёжности. Жизнь берёт своё. И героиня, и поэт верят в мир, любовь, справедливое возмездие, в развитие края и себя в этом контексте, в движение к новому обществу.

Из гражданской – в революционную

Понятие революции двоятся в поэме. С одной стороны, Майдан с его ложной революционностью, пафосом европейства: шмотки-то в Европе лучше, а братство-то в прошлом! Как не вспомнить слова Тараса Бульбы к сыну Андрею: «Ну, что, сынку, помогли тебе твои ляхи?» А может второй вариант революции? Не про шмотки, конечно, но про братство. Каков выход? Украинцы-патриоты, русскоязычные посмелее, антифашисты страны и вооружённый Донбасс – это и есть первая волна – демократическая – перемен в судьбе страны. Два народа вновь будут вместе – это и есть вектор превращения войны из гражданской в революционную.

В одном месте поэмы героиня едет с лимоновцами, говорит, лишь бы не с коричневыми. Метаморфозы политики её интересуют меньше, судьба жертв войны вопиёт о том, что нельзя переступить через прошлое, через общие завоевания поколений, нельзя предать. А потому беспощадность вытекает из верности русскому духу, но и настоящей Украине, её вольностям, не шовинизму, но братству. Всё смешалось и перепуталось в жизни, в душе настроить камертон не удаётся. Герои с партизанскими позывными бойцов ополчения раскрывают свои мотивы участия. И тут даже отпущенные из зон преступники и хулиганы преображаются в новый человеческий материал.

Революция на той стороне, где человеку дан шанс стать человеком. А это уже идейное поле поединка двух культур. И Запад здесь также раздвоен, как и восток.

В одной из других своих книжек Елена Заславская раскрывает потенциал революционности более определённо:

*Мне снилась Повстанческая армия
Во главе с команданте Че.
Они говорят: бандформирование.
Я говорю – профсоюзная ячейка.*

В стихах героиня поэмы однажды называет своего избранника «команданте».

Но всё есть товар и тавро сегодня: и на блокпостах карателей в Донбассе есть его силуэты, но и германские символы также – быдло всеядно. Словом, революция наша – это больше профсоюзных ячеек, больше баррикад, больше листовок, больше повстанцев, больше, шут с вами, бандформирований, но за нас! Форма не отменяет содержание, но обозначает обрывами смыслов метаморфозы самой превратности. С кем вы? Смысл может измениться, деяние стать спорным. Поэтесса не упрощает, её символические образные ряды нагружены смыслами четырнадцатого года, часть из которых для последующих поколений потребует комментариев и примечаний. Однако лирика обходится сердечными принятиями и неприятиями без пояснений.

Выбор, охаянный прагматиками ради жуликов

Поэма же содержанием всё-таки взывает к объяснению, пониманию, размышлению, но и к стойкости, мужеству, последовательности, неизбывной верности выбору поколений, который был охаян прагматиками ради жуликов и воров из нуворишей и номенклатуры, примкнувших к союзу – странному и фантазмагорическому союзу – национально озабоченных с либералами-западниками. Одни предали свою же идею национальной исключительности, другие – свободу как таковую. Потому и нацистский переворот представили как Майдан «революции гідности» (на самом деле метаморфоз гідоты).

Поэт не соизмеряет величин, он реагирует на смыслы иначе. Эмоциональная жизнь героини надломлена событиями по-

эмы, смертями вокруг и гибелью во вражеском плену её избранника. На этом фоне возникает душевная мука не о себе. Сомнения в том, сохранимся ли мы? Выживут ли ДНР и ЛНР, не угаснет ли за пределами годов войны немеркнущий свет порыва в будущее, не останется ли после нас Дикое поле? Эти вопросы свидетельствуют о вызревании и зрелости героини в новых обстоятельствах.

Путь за пределы данного в Будущее

В финале поэмы – настоящий реквием, что просится на музыку:

*Говорила Родина-мать:
«Не бойся, солдат, умирать!
Я тебя прикрою, я тебя спасу,
Я тебя с собою в вечность унесу,
Там, где колосится жито и ковыль,
Чтобы вечно жил ты!
Чтобы вечно жил».*

И мощное троекратное крещендо:

*Отпоём отпетых хулиганов – сорвиголов, безымянных
и безответных, отдавших живот за любовь.
Отпоём отпетых, пухом земля солдатам отважным
и верным, жизнь отдавшим за други своя.
Отпоём отпетых, не зря же мы говорим: «Отныне
бессмертны! Вечная память им!».*

Перед нами знаки времени, ставшие благодаря таланту и настойчивому поиску совершенной формы свидетельством пытливой мысли, пылкого чувства, работы ума и сердца в чрезвычайном режиме, что и превратило факт литературы, отразивший событие истории, в культурный феномен. Луганская литература растёт в непростых обстоятельствах, люди созревают для новых деяний. Есть шанс вредное и наносное устранить, а то, что априори наше, сохранить для будущих поколений.

Продолжение следует. Это далеко не конец драмы, но это освещение сцены, на которое бросишь взгляд и лучше увидишь

фигуры борцов и новые возможности не интерпретаций, но инакодействия, выводящего за пределы данного в Будущее. Даже если грёзы в явь не превратятся, суровости не отвратят, то всё же грозы пройдут стороной, окраинами существа, души и духа, как сказали бы предки русских и украинцев, «украинами», а славянство выживет и сплотится согласием разделённых сейчас народов.

Мир вам, Луганск и Донецк!

2021

Дело Рыцаря с Лебедем

ЭЛИАС

История Рыцаря Лебедея в реалиях военного Донбасса

Пролог

Ты сам выбрал эту роль:
быть тенью,
жить там,
куда не проникает солнечный свет,
куда душа моя по ледяным ступеням
бредёт в кромешной тьме.

Может, я забуду к тебе дорогу.
Может, я никогда не приду.
Может, я вымолю у Бога
никогда не видеть свою беду:

ни утром,
ни в полуночных бдениях,
ни в бреду,
ни когда пьяна,
ни лицом к лицу,
ни в отражениях,
ни бодрствуя,
ни во снах.

Но иногда,
я спускаюсь на дно
своего отчаяния,
в гибельную стынь,
окунаюсь в глаза печальные,
в лазоревую синь.

В прорубь вглубь.
Кровь искусанных губ.
Забудь.
Не зови меня, тень.

Но зачем,
когда наступает день
я складываю из букв
дорогое имя твоё?
Элиас*.

2.
В пути. Дорога как стрела,
была бы, если б не ухабы,
а так мы тащимся едва ль,
так по волнам плывет корабль.

Водитель наш, как Ихтиандр,
свои выкашливает жабры.
Забывтый край. Война. Чума.
С недавнего ещё пожары.

Здесь через минные поля
бредут кентавры к водопою,
под их копытами земля
дрожит и стонет.

Козлобородый дерзкий Фавн
из мосинки сбивает Дрона.
Мне видится разбитый храм
и непорочная Мадонна.

Наш путь далёк. Сокрыта цель.
Огонь и дым, и запах гари.
Мы попадаем под обстрел
и... погибаем.

* Элиас – одно из имён Рыцаря Лебеда или Рыцаря с Лебедем, которого, как известно, в немецком варианте звали Лоэнгрин. В брабантском, нидерландском варианте его звали Элиас. А так как автор сего текста питает особую любовь к королевству Нидерланды, было решено взять именно это имя для повествования. Русский вариант имени нашего героя мы оставим в секрете.

3.

Тёмная дума в сердце моём
прорастает чёрным ирисом,
бархатистым
отстрелистым цветком,
забыть обо всём и
забыться,
не иметь
ни пристанища,
ни приюта,
не иметь
ни голоса,
ни лица, –
вот он мой путь,
но когда сон,
этот лёгкий мотылёк –
предвестник утра,
присаживается на ресницы,
самые сладкие грёзы
просыпаются...

Презрев все законы,
и закон земного тяготения,
навстречу судьбе –
в лодке, запряжённой лебедем,
по воздуху, а потом по воде,
оттолкнувшись от подоконника,
прямо в Донец.
Все считают меня покойником.
А может, и правда,
я – мертвец.

4.

Минуя снайперов
и дронов,
летающих аспидов
и драконов...
Волны подо мною.
Звёзды надо мною,
словно
очи ясные
Мадонны.

Могучий Сиргис*,
мы все ещё живы!
Быть может, мне всё приснилось?
Но кровь закипает в жилах,
и лебедь плывет неспешно,
как будто в запасе вечность.
Дева выходит на берег.
Нам суждена эта встреча.
Она – неизбежна.

5.
Новое имя. Новое лицо.
Новые шрамы поверх старых.
Будто в молоко нырнул
и вынырнул молодцом.
И мои затянулись раны.

Восемь лет не смотрел я на образа,
восемь лет не прикладывал губ к потиру,
восемь лет со мной были её глаза,
восемь лет ни войны, ни мира...

А глаза её – небеса и свет,
а глаза её – васильковый синий,
и казалось мне, что счастливее нет
человека в мире.

Об одном просил я свою любовь,
чтобы не допытывалась, не молила:

– Ты же знаешь, милая,
мой позывной,
но никогда
не спрашивай
моё имя.

* Сиргис – река Северский Донец, протекающая по территории юга Восточно-Европейской равнины, в том числе через территорию Луганской Народной Республики. Согласно трактатам древнегреческого историка Геродота Геликарнасского эта река в древности называлась Сиргис.

6.
– Денеб, Эпсилон, Дельта,
NML, Тау, Эта, Ро...*
Полетели со мною
на небо!
Там спокойно
и там светло.
Будем жить в созвездии Лебеда,
далеко от мирских забот.

– Ещё не время.
Небо подождёт.

Земля моя
напиталась болью,
Земля моя
из развёрстых недр
Рождает героев,
готовых кровью
платить за возможность
на ней умереть.

7.
Северный ветер.
Северный крест.
Что тебе снится,
родная столица?
Снится Луганск тебе?
Или Донецк?
Счастье или
Станица?

* Денеб, Эпсилон, Дельта, NML, Тау, Эта, Ро – звёзды созвездия Лебеда. Лебедь – созвездие северного полушария неба. Яркие звёзды образуют характерный крестообразный рисунок – астеризм Северный крест, вытянутый вдоль Млечного Пути.

А враги говорят,
будто здесь ОРДЛО,
а враги говорят,
Регион тринадцать,
говорят – здесь Мордор,
и не должно
даже камня на камне
от нас остаться.

Война гыр-гыр-гыр.
Кладбище вширь, вширь, вширь.
Вот он ваш русский мир.
Вот он ваш Третий Рим!

8.
– Как твоё имя? Зачем ты здесь?
Ответь! Не молчи.
– В небе вечернем Северный крест –
мой ориентир в ночи.
Разрушенный маленький храм
я искал,
с Мадонной на целой стене.
– И что там?
– Святой Грааль.
Чаша, виденная во сне.

Лишь ею
я овладею –
Северный ветер
повеет!
Лишь ею
я овладею –
наступит День Z,
и встанет с колен
Рассея,
Моя большая Рассея,
Во славу грядущих побед!

9.
– Дельта-Эпсилон – крылья.
Денеб – хвост.
Альбирео – клюв*.
Я знаю, что ты любила,
но лучше забудь!

Эпилог

Глядя на небо,
на Северный крест,
он палец подносит к губам:
– Это наш секрет:
Мы когда-нибудь
встретимся там.
И свет моей жизни погас.
Прощай,
Элиас!

2022

** Обычно созвездие Лебедя изображается с Дельтой (δ) и Эпсилон (ϵ) в качестве его крыльев. Денеб, самая яркая звезда в созвездии, находится у его хвоста, а Альбирео – в качестве кончика клюва.*

НОВЫЙ ОБРАЗ РЫЦАРЯ С ЛЕБЕДЕМ: МИР БЕЗ ВОЙНЫ ИЛИ ДЕНЬ Z?

Война в Донбассе, начавшаяся в 2014 году под знаменем воссоединения с Россией, перешла в 2022 году в новую фазу: в феврале 2022 года началась СВО (День Z) и в том же году Республики Донбасса вошли в состав Российской Федерации. За восемь лет ожесточенных Минских соглашений от украинских обстрелов погибли тысячи людей в Республиках, а политического решения о сопротивлении всё не было. Эти годы жители Донбасса называли «ни мира, ни войны». В это время Украина всеми силами превращала Донбасс в территорию смерти. Было неясно, чем закончится эта война и можно было только надеяться, что Донбасс окажется в составе России. Настроения того периода отражены в поэме Еленой Заславской «Элиас». Поэма написана в Луганске в 2022 году и выложена на сайте автора. Она посвящена военным событиям на Донбассе с 2014 года. Особенностью поэмы является художественный синтез личных впечатлений автора, живущего в обстановке войны, и широкого спектра семантических ассоциаций, символически включающих топографическое пространство Донбасса в несколько культурных миров. Рассмотрим основные культурные пространства, интегрированные в поэме, а именно: античность, европейская католическая культура, русская культура. Сюжетом, позволяющим соединить топографию Донбасса с этими рядами смыслов, выступает история о Рыцаре с лебедем.

Рыцарь с лебедем

Рыцарь с лебедем – персонаж ряда европейских литератур. Первые тексты о нём сложены в XII веке на территории Льежа или Фландрии. В разных европейских традициях он называется Лоэнгрин, Лоэрангрин, Элиас.

Рыцарь с лебедем – легендарный предок реального участника Первого крестового похода Готфрида Бульонского. Именно в составе его генеалогии впервые появляется эта история, разбитая на три части, условно названные «Рождение Рыцаря с лебедем», «Рыцарь с лебедем» и «Конец Элиаса». Популярность история приобрела в XIX веке, в эпоху расцвета романтизма и пробуждения интереса европейцев к средневековой культуре. Первой в это время стала известна средняя из трёх частей, выступавшая как самостоятельный сюжет. Эта часть легла в основу поэмы Елены Заславской, и на этой части мы сосредоточим наше внимание.

История Рыцаря с лебедем известна как в хрониках, так и в поэтических произведениях. Ольга Попова суммирует сюжетную схему истории следующим образом:

Рыцарь с лебедем прибывает в ладье, влекомой лебедем;

Рыцарь с лебедем вступает в брак;

Лебедь возвращается, Рыцарь с лебедем уплывает;

От рыцаря с лебедем происходит знатный род.

Татьяна Михайлова отмечает, что хотя история Рыцаря с лебедем чисто литературного происхождения, она включила ряд фольклорных мотивов, бытовавших в разных устных традициях европейского континента. Базовым является мотив о браке человека с чудесным существом из иного мира. Иной мир, мир волшебных созданий, существует наряду с миром людей. В этот мир ведет водный путь, доступный только мифическому персонажу. В истории Элиаса таким персонажем-медиатором оказывается лебедь.

Супруг из иного мира

Брак с Элиасом завершается тем, что рыцарь покидает свою супругу. Мотивировки этого поступка различаются в разных версиях. Чаще всего приводятся два варианта: жена рыцаря нарушает запрет не спрашивать его имя и за рыцарем приплывает лебедь. Эти варианты встречаются один без другого или комбинируются. Ольга Попова показывает, что таким образом в литературный текст входят фольклорные представления устной традиции.

Сюжет о браке с персонажем из иного мира известен в фольклоре всех народов. Характерной чертой этого архаического сюжета являются брачные табу, отражающие реальные практики древних сообществ. Так, Елеазар Мелетинский отмеча-

ет среди архаичных брачных табу следующее: муж и жена не должны называть личного или родового имени друг друга. В случае нарушения табу супруг может вернуться в родительскую семью. Как мотивы запретного вопроса и его нарушения, так и мотив поиска потерянного супруга характерны для сказочных сюжетов о браке смертной женщины с существом из иного мира.

Имя не только в языческих, но и в средневековых обществах всегда связано с происхождением, оно показывает социальный статус персонажа и указывает на его родину и предков. В литературных текстах об Элиасе запрет спрашивать об имени означает запрет говорить о стране, откуда он родом, рассказывать об ином мире. Так, в «Песни о Рыцаре с лебедем и Готфриде Бульонском» Элиас просит не спрашивать откуда он прибыл, потому что его страну никто не знает и никогда не узнает. Это объяснение констатирует факт – пришелец из иного мира не говорит о своем мире среди обычных людей, что принимается как данность и поэтом, и его аудиторией.

Рыцарь-изменник

Единственным автором, давшим рациональное объяснение мотиву запретного вопроса, является Вольфрам фон Эшенбах (1170-1220). В рыцарском романе Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» (около 1200 г.) Рыцарь с лебедем, Лоэрангрин является сыном Парцифалья, одного из рыцарей Грааля. Лоэрангрин также состоит в братстве рыцарей, ищущих Грааль. Лоэрангрин у Вольфрама фон Эшенбаха объясняет, что если любой из рыцарей Грааля, правящий в одной из земель, будет спрошен о том, кто он, Бог сразу же позовет его обратно. Запрет на вопрос мотивируется тем, что Анфортасу, Королю-Рыбаку, хранителю Грааля, слишком долго пришлось ждать, когда ему зададут спасительный вопрос о Граале, чтобы он смог завершить свою миссию.

Попытка рационализации выглядит не до конца продуманной, но она позволяет интегрировать в сюжет тему поиска святого Грааля. Легенды о святом Граале складываются в европейских культурах в XII – XIII веке. Грааль означает чашу с кровью Христовой. Эта чаша имеет мистический и религиозный смысл. Глубинный смысл поисков Святого Грааля в том, что это вечный поиск истины, поиск собственного я, Грааль нельзя заслужить и отвоевать силой, он подобен благодати, посланной

свыше. Братство святого Грааля означает союз людей, объединенных духовной целью. Обретение Грааля важно не только для самого рыцаря, нашедшего его, но и одухотворяет, облагораживает, возрождает всю землю. Рыцари Грааля отказываются от обычной жизни и идут на подвиг ради священной цели.

В таком аспекте становится понятным, что рыцарь Грааля, вступающий в брак и ведущий спокойную жизнь, когда все его духовные братья заняты поисками, изменяет своей миссии. Вопрос об имени напоминает Рыцарю о его долге и заставляет его вернуться к поискам Грааля. Таким образом, Лоэрангрин-Элиас выступает как рыцарь Грааля, забывший о своих обетах ради брака. Когда супруга задает ему вопрос об имени, голос совести или голос Бога, что в данном случае одно и то же, заставляет его вернуться к выполнению миссии.

Вторая мотивировка расставания с супругой, появление лебедя, забирающего рыцаря обратно в иной мир, многими авторами приводится как общее место, без дальнейшей детализации. Брак с существом из иного мира по самому своему существу является временным, он всегда заканчивается возвращением иномирного персонажа в своё пространство. Такое развитие сюжета соответствует фоновым ожиданиям аудитории и не вызывает никаких вопросов. Так, во французской поэме «Рыцарь с лебедем» герой говорит, что покинет жену, когда за ним приплывет лебедь. Этот мотив далее не развивается.

Братство Грааля в поэме «Элиас»

Подведем промежуточный итог. В средневековой легенде Элиас, Рыцарь с лебедем, приплывает по реке, соединяющей мир людей и иной мир, где живут нечеловеческие существа. В этом ином мире Элиас был занят поиском святого Грааля вместе с другими рыцарями братства. Ради брака Элиас забывает о своей миссии. Он покидает жену, когда она через несколько лет брака всё же спрашивает о его имени. В этот момент за Элиасом приплывает лебедь, и Рыцарь уходит в иной мир на поиски Грааля. Этот сюжет включает три мотива из четырех, найденных Ольгой Поповой: Рыцарь приплывает по реке с лебедем; Рыцарь вступает в брак; за Рыцарем приплывает лебедь, и Рыцарь покидает супругу. Все три мотива присутствуют в поэме Елены Заславской «Элиас». Проанализируем три культурных пространства, включенных в поэму, и их связь как с географическим Донбассом, так и с сюжетом о Рыцаре с лебедем.

Формально поэма закольцована: в финале объясняется, как произошло то, что описано в прологе. Пролог написан от имени женщины, потерявшей Элиаса. Ей осталось только вспоминать его имя. История их любви описана в поэме.

Донбасс – мир мёртвых

Действие происходит на Донбассе. В поэме приводятся реальные названия конкретных городов Республик: Луганск, Донецк, Счастье, Станица. Пространство Донбасса описано как территория войны, идущей здесь с 2014 года:

*Забывтый край. Война. Чума.
С недавнего ещё пожары...
Огонь и дым, и запах гари...
минные поля...
земля дрожит и стонет...
разбитый храм...
Мы попадаем под обстрел
и... погибает.*

Уже в первой части поэмы появляется отсылка к некоей общности: герой не один, он часть группы, обозначаемой как «мы». Мы находимся на территории Донбасса. Очевидно, что эта общность – ополченцы 2014 года, вставшие на защиту Донбасса. В то же время мифологическом пространстве поэмы это братство рыцарей Грааля, выполняющих свою миссию. Реальные топонимы донбасского пейзажа тоже существуют как в географическом, так и в мифическом пространстве:

*В лодке, запряжённой лебедем,
по воздуху, а потом по воде,
оттолкнувшись от подоконника,
прямо в Донец.*

Так, река, по которой Элиас приплывает в мир людей, оказывается самой крупной рекой региона, Северским Донцом. Она течёт среди донбасских степей и одновременно она течёт в двух мирах, соединяя мир людей и иной, нечеловеческий мир. Как иной мир Донбасс характеризуется и в других произведениях Елены Заславской. Так, в стихотворении «Звезда Бетельгейзе» Донбасс как часть Новороссии оказывается несущей

ствующей страной, «не нанесённой на Google Карты». Здесь наиболее ярко выступает характеристика Донбасса как земли, которой нет, не существует для живых и среди живых, что представляет собой древнейшее определение мира мёртвых, подлинного иного мира всех мифов.

Донбасс языческий

Иной мир в поэме «Элиас» имеет тройную природу, то есть располагается сразу в трёх символических пространствах. Это реальный географический Донбасс, но в то же время он населён волшебными существами, пришедшими из греческих мифов. Сама река, соединяющая миры, – это могучий Сиргис, упоминаемый Геродотом. На его берегах разворачивается современная война, описанная в образах античного мифа:

*Здесь через минные поля
бредут кентавры к водопою,
под их копытами земля
дрожит и стонет.*

*Козлобородый дерзкий Фавн
из мосинки сбивает Дрона...*

*Водитель наш, как Ихтиандр,
свои выкашливает жабры.*

Хотя Ихтиандр – персонаж повести русского писателя фантаста А. Белыева «Человек-амфибия», но имя его составлено из греческих корней и означает «рыба-человек», то есть ещё одно чудовище греческого пантеона. Так тема России впервые в поэме соединяется с темой иного мира. В дальнейшем это сопоставление будет раскрыто автором, на чём мы ещё остановимся. Итак, Донбасс выступает одновременно как географическое пространство войны и как иной мир, населённый волшебными существами греческих мифов.

Донбасс – земля Мадонны

В том же пространстве сквозь мифические напластования проступает ещё один, третий облик этой земли – это христианское пространство, земля Мадонны:

*Мне видится разбитый храм
и непорочная Мадонна...*

*Волны подо мною.
Звёзды надо мною,
словно
очи ясные
Мадонны...*

Автор употребляет католическое именование Богоматери, что естественно для переложения средневековой католической легенды. В то же время перед нами явная отсылка к образу России как удела Богородицы, о чем писал Александр Дугин в своём исследовании русского дазайна. Эта характеристика России также будет использована автором далее.

Аспиды и драконы

Христианская составляющая поэмы реализуется в образах дракона и аспиды, также населяющих Донбасс:

*Миңуя снайперов
и дронов,
летающих аспидов
и драконов...*

В большинстве случаев аспид представлен в виде крылатого двуногого существа с рогами, клювом, крыльями и хвостом, но иногда подчеркивается ухо существа, то есть перед нами «аспид глухой». «Аспид», согласно апокрифической легенде физиологов, затыкает уши от гласа «обовающих». Ловля аспиды становится метафорой проповеди, которую слышат верные и которую не хотят воспринимать дьявол и его слуги.

Дракон также представляет собой библейский образ. Наиболее часто дракон упоминается в книге Откровения Иоанна Богослова, где описывается конец света. В библейских текстах дракон, он же змея, символизирует Антихриста и по метонимии любого представителя злых сил. С драконами сражаются средневековые европейские рыцари. В то же время дракон в образе Змея Горыныча является и персонажем русских народных сказок, перенося читателя в пространство русского

фольклора. В русском культурном пространстве христианская символика соединяется с народной стихией. К этому же фольклорному пространству сказки отсылает описание Элиаса после пересечения реки:

*Новое имя. Новое лицо.
Новые шрамы поверх старых.
Будто в молоко нырнул
и вынырнул молодцом.
И мои затянулись раны.*

Перед нами ещё одна отсылка к русской культуре и маркер принадлежности Донбасса к России.

Северный ветер и Северный крест

Перечислим отмеченные выше образы, связывающие Донбасс и Россию: Ихтиандр – чудовищный обитатель Донбасса из произведения русского писателя, Донбасс как земля Богородицы, библейские аспид и змей/дракон, а также обряд омоложения из русских сказок. Европейский сюжет разворачивается в русском символическом пространстве. Рассмотрим, как в поэме изображается Россия.

В первую очередь Россия ассоциируется с севером, с Россией связаны северный ветер и северный крест. Северный крест – видный астеризм в северном полушарии небесной сферы. Образован ярчайшими звездами созвездия Лебедь – Денебом, Садром, Дженахом, Дельтой Лебеда и Альбирео. Россия выступает как страна, чей символ лебедь – посредник между мирами, призванный забрать героя обратно из мира обычных людей.

Также в поэме упоминается столица России:

*Что тебе снится,
родная столица?
Снится Луганск тебе?
или Донецк?
Счастье или
Станица?*

Так символический центр России Москва связывается с основными топонимами Донбасса, иного мира, территории войны.

Тема войны раскрывается и дальше в связи с темой православной империи и византийского наследия:

*Война гыр-гыр-гыр.
Кладбище вишь, вишь, вишь.
Вот он ваш русский мир.
Вот он ваш Третий Рим!*

Иномирный Донбасс, исключенный из нормальной жизни и погруженный в царство смерти, оказывается инобытием имперской столицы, ценой, которая платится за существование Третьего Рима и сохранение христианства.

Искушение миром без победы

Таким образом, иной мир, откуда пришел Элиас, расширяется до России в целом. Это христианская империя и земля Богородицы, создаваемая среди войны, смерти и мифологических чудовищ, только и способных выжить в этом пространстве смерти. Воссоздание христианской империи на земле Донбасса – это и есть миссия братства Грааля, от которой отказался Элиас ради любви:

*Восемь лет не смотрел я на образа,
восемь лет не прикладывал губ к потуру,
восемь лет со мной были её глаза,
восемь лет ни войны, ни мира...*

Через восемь лет после начала войны, в 2022 году, любимая предлагает Элиасу навсегда остаться вместе в удаленном от мира небесном уголке:

*Денеб, Эпсилон, Дельта,
NML, Тау, Эта, Ро...
Полетели со мною
на небо!
Там спокойно
и там светло.
Будем жить в созвездии Лебеда,
далеко от мирских забот.*

Но место, которое она выбрала, совпадает с созвездием Лебедя, включающего северный крест. Это название – сигнал, пробуждающий Элиаса и заставляющий его вернуться в свой мир на поиски чаши Грааля:

*– В небе вечернем Северный крест –
мой ориентир в ночи.
Разрушенный маленький храм
я искал,
с Мадонной на целой стене.
– И что там?
– Святой Грааль.
Чаша, виденная во сне.*

*Лишь ею
я овладею –
Северный ветер
повеет!
Лишь ею
я овладею –
наступит День Z,
и встанет с колен
Расся,
Моя большая Расся,
Во славу грядущих побед!*

Употребленное здесь просторечное название России – Расся – ещё один способ подключить к повествованию мир народного творчества, архаичных русских мифов и древних героев. Россия древняя и современная, христианская и языческая выступает как единая сила в День Z, день обретения святого Грааля Элиасом.

СВО, Грааль и великая Россия

Подведём итоги. В поэме Елены Заславской интегрируются три символических пространства: античность, европейская христианская культура, а также русская культура, как христианская, так и языческая. Географический Донбасс существует во всех трех пространствах: это иной мир, мир смерти и войны, в то же время это мир, населенный персонажами греческих и библейских мифов, и одновременно – земля русских сказок и

удел Богородицы. За включение Донбасса в пространство христианской империи борется братство Грааля, то есть ополченцы первой волны, 2014 года. В этом контексте разворачивается история Элиаса, повторяющая сюжет средневековой легенды о Рыцаре с Лебедем.

По реке Донец-Сиргис Элиас уходит из пространства смерти, покидает восставшие республики. В реальности по Донцу в 2014 – 2022 гг. проходила граница между республиками и занятыми Украиной территориями. Герой попадает на Украину, меняет имя, встречает любовь и восемь лет живёт простой мирной жизнью после смерти, забыв все ужасы войны. Восемь лет спустя любимая нарушает зарок: она не спрашивает имя рыцаря, но упоминает лебедя – символ иного мира и северной России в мифопоэтическом пространстве поэмы. Как и в средневековых поэмах, Элиас бросает мирную жизнь, возвращается в иной мир и продолжает поиски Грааля, брошенные восемь лет назад. Обретение Грааля в храме Богородицы знаменует наступление Дня Z – начало возвращения Донбасса в русское пространство, отступление с этих территорий царства смерти, приход Русского мира и третьего Рима.

Так в поэме Елены Заславской средневековый европейский сюжет, включающий архаичные мифы о браке человека с существом из иного мира, разворачивается в современных донбасских реалиях и отражает христианские и имперские смыслы первого этапа идущей в Донбассе войны. Художественное отражение в слове событий этого трагического восьмилетия позволяет пробиться через пространство и время, дать возможность нашим современникам вне Донбасса и другим поколениям заглянуть в этот мир.

2023

Следствие вели

Атоян Арсентий – доктор философских наук, профессор кафедры психологии и конфликтологии Луганского национального университета имени Владимира Даля, основатель и член совета Философского монтеневского общества с 1990 года. Докторская диссертация по теме «Универсальный человек в иберо-американской эстетике». Проживает в ЛНР.

atoyannn@bk.ru

Бодрухина Ольга – 3Д аниматор, ювелир, выпускница института йоги и философии санкхьи – The Yoga Institute, Santacruz, Mumbai. Четырехкратный чемпион Украины, чемпион Европы, вице-чемпион мира и обладатель Кубка мира по тайскому боксу и фулконтакту, арестист (акробатика на шёлке и воздушном кольце, в составе цирковых групп). Проживает в Индии. Профессионально выступает с огнём в собственных шоу и в составах огненных театров в странах Азии (Индия, Непал, Шри-Ланка, Турция). С 2021 – студент-стипендиат Budha College (Budha Group of Institutions) по направлению «скульптура» (бакалавр изобразительных искусство).

bodrukhina@gmail.com

Желанный Александр – бывший и недолгий блогер, человек доброй воли. Проживает в Германии.

Ищенко Нина – кандидат философских наук, культуролог, литературный критик. Редактор сайта луганской культуры «Одуванчик». Член Союза писателей ЛНР с 2018 года. Член Философского монтеневского общества Луганска. Автор книг «Локусы и фокусы современной литературы» (2020), «Книжная полка Татьяны Лариной» (2020), «Город на передовой»(2020), «Южный фронт: Россия – Украина – Донбасс» (2021), «Борьба цивилизаций в “Отблесках Этерны”» (2021). Проживает в ЛНР.

niofterna@gmail.com

О КНИГАХ ЕЛЕНЫ ЗАСЛАВСКОЙ

«ГОД ВОЙНЫ» (2015)

Книга «Год войны» издана в 2015-м году, когда Луганск только приходил в себя от активной фазы военных действий и блокады. В книге собраны стихотворения, написанные в течение первого года войны в Донбассе. В стихах отражены непосредственные живые впечатления того времени.

Несколько стихотворений из книги «Год войны» стали песнями благодаря московской рок-группе «Зверобой». Песни «Едут-едут БТРы», «Эти русские», «В наших диких полях» стали хитами в Донбассе и вошли в альбомы группы «Зверобой» «Война за мир» (2016), «Родина» (2018), «Русская весна» (2021).

Песню «Границы» написал трубадур русского мира – бард из Минска Алексей Нежевец-Привалов. На стихотворение «Чёрный хлеб» фотограф Алевтина Легещич сняла драматическую видеопозеию. Стихотворение «В наших диких полях» в прозаическом переводе Дмитрия Штрауса на испанский язык прозвучало в передаче радиостанции «La radio del sur», которая вещает на всю Латинскую Америку, а находится в Венесуэле. Стихи прозвучали в сопровождении песни «Спят курганы тёмные».

«БУМАЖНЫЙ САМОЛЁТ» (2018)

В книге опубликованы стихи о любви, написанные автором на протяжении двадцати лет. Любовь даёт человеку крылья, позволяет пробиться к собственной сущности, презреть гравитацию и лететь вопреки законам физики, невзирая на логику жизни и ужасы войны.

Особенностью книги является отражение в ней контекста её создания – поэт пишет о любви во время войны, которая несколько лет длится в Донбассе: «твори меня среди смерти и войны, жизнь на любви замешанная глина, ведь чтобы выжить, нам нужна причина, и чтобы умереть, нужна причина, а для любви причины не нужны».

В книге показана хрупкость и в то же время всемогущество чувства, которое поддерживает и оживляет всё вокруг, творит собственный поэтический мир. Этот мир центрирован географически: в книге есть своё пространство и мир за его границами. Своё пространство для автора – это принципиально Новороссия. Бушующая войной республика – это центр, из которого разворачивается движение, охватывающее другие топосы, от Москвы до космоса, и заключающее их в единый культурный универсум.

«ДОНБАССКИЙ ИМАЖИНЭР» (2020)

«Донбасский имажинэр» – книга-аллигат, что означает две книги стихов под одной обложкой. На создание именно такой книги автора вдохновил любимый сербский писатель Милорад Павич, написавший аллигат «Внутренняя сторона ветра», и русский философ Александр Дугин, построивший на основе философии Дюрана социологию воображения.

В книге «Донбасский имажинэр» собраны довоенные и современные стихи поэта. Особенность книги в том, что поэмы, в которых действуют два персонажа, разбиты на две части и помещены в разные книги, как отражающие разные режимы человеческой деятельности – режим ноктюрна и режим диурна. В результате получилось новое художественное целое, в котором нашлось место Орфею и Эвридике, Бонни и Клайду, украинскому прошлому и русскому настоящему.

Война в Донбассе позволила проявиться структурам имажинэра наиболее ярко. Новая литература республик Донбасса тому свидетельство. Не бойся, зовёт ноктюрен, перелистни страницу, посмотри в бездну, загляни в глаза чудовищ – или борись!

«ОПЫТЫ ПРИСТАЛЬНОГО ЧТЕНИЯ» (2020)

В книге «Опыты пристального чтения» собраны под одной обложкой стихи и поэмы Елены Заславской разных лет, а также литературно-критические эссе о каждом произведении, созданные луганским искусствоведам, знатоком литературы Владимиром Карбанем. По мере создания

опытов его эссе и стихи Елены публиковались на сайте луганской культуры со смешным названием «Одуванчик», обсуждались в соцсетях и в личном общении, оживали и давали читателям возможность почувствовать поэзию и понять её смыслы.

Стихи и эссе изданы отдельной книгой в Луганске, и целостность композиции открывает новые возможности прочтения. Поэзия, любовь и война предстают на страницах книги не только как стихия жизни авторов, но и как предмет их творчества, постоянные темы осмысления и воплощения.

Поэт без кожи, мистагог виртуальности Казимир Малевич, эпистолярный нашего времени, синергия божественного и человеческого, эликсир бессмертия и обжигающее счастье – вот темы, вдохновляющие луганскую поэтессу и её критика. Пусть эти темы украсят ваш внутренний космос!

«НОВОРОССИЯ ГРОЗ. НОВОРОССИЯ ГРЁЗ» (2020)

Поэма «Новороссия гроз. Новороссия грёз» посвящена событиям в Донбассе в период войны с Украиной. Она создавалась на протяжении военных лет, начиная с 2014 года. Это обойма стихов о войне и о любви. В поэме показаны воюющие республики, Украина, Европа, настроения революционеров Майдана и ополченцев Новороссии. Поэма связывает настоящее и прошлое Украины и России, а также повседневный и сакральный планы бытия.

Судьба автора тесно переплелась с судьбой героев поэмы, так что невозможно понять, где поэтический вымысел, а где реальность.

В «Новороссии гроз» магический, языческий мир пурпурного народного фольклора, вперемешку со скандинавским пантеоном и Голливудом, становится контрастным бэкграундом православного мира, старчества и животворящих икон. Буколическое фэнтезийно-партизанское многобожие выглядит как зеленая поросль у величественного храма. Луганск предстаёт границей света, последним оплотом, в буквальном смысле, за которым в бездну срываются люди и сказочные персонажи, прямоком в пограничье жизни и смерти.

Долгий путь (от архаики к религиозной дидактике, утверждающей превалирование Свободной Воли над Судьбой), героиня проходит, чтобы понять, что Любовь есть единственное реальное оружие на этой войне. Именно ею, как выстрелом, в своей личной битве она поражает Смерть и то, что её несёт.

«НАСТЯ, ПРИЕЗЖАЙ!» (2022)

Во время войны и разрушений, когда ломается привычный уклад жизни, есть ли место для поэтического слова, искренности и любви? Ответ на этот вопрос даёт книга автобиографической поэзии и прозы «Настя, приезжай!», написанная Еленой Заславской в Луганске по мотивам путешествий и встреч в Крыму, на Украине и в России с 2013 по 2018 год.

К началу войны Украины с Донбассом Елена уже была известным поэтом, и она сумела в своей книге как в мозаике показать многообразие чувств, эмоций, реакций творческого человека в эпоху перемен.

«Настя, приезжай!» – это книга, которая вышла в год начала СВО, вскоре после Дня Z, 24 февраля 2022 года. Это история не про любовь, хотя есть в ней и любовь, и не про войну, хотя есть и война, и не про расставание, хотя и этого предостаточно. Всё-таки это история о том, что объединяет людей, несмотря на расстояния, время, границы, войны, конфликты, страхи – она о счастье творить и видеть красоту.

«ЭТИ РУССКИЕ» (2022)

Книга военной поэзии «Эти русские» включает стихи, написанные с 2014 по 2022 год. Название книге дало стихотворение Заславской «Эти русские мальчики не меняются». В 2015 году это стихотворение стало песней благодаря московской рок-группе «Зверобой».

Стихи в книге сгруппированы тематически по разделам: «Земля», «Мальчики», «Звезда Бетельгейзе», «Девочки», «Память», «Мир», «День Z». В этих разделах отражаются разные аспекты восприятия войны русскими Донбасса. В них проявлены те смыслы, за которые мы сражаемся. Война с Украиной показала, что жизненные ценности народа

Донбасса, проявившиеся в героизме и подвиге, не возникли случайно, на пустом месте, а существуют постоянно, незаметно определяя наше поведение, наши решения, готовность подняться над судьбой. Это те ценности, которые в мирное время остаются незаметными, как воздух, само собой разумеющимися: любовь к родному городу, «спаси-бо деду за Победу», «сам погибай, а товарища выручай». Во время войны именно они оказываются главными, очерчивают то, от чего человек не может отказаться и готов защищать любой ценой.

Книга рассчитана не только на локальную донбасскую аудиторию, но и на общероссийскую читающую публику, для которой темы войны, героизма, смерти, памяти и любви стали особенно актуальны после начала СВО в феврале 2022 года.

Все книги Елены Заславской есть в открытом доступе на сайте автора (<http://zaslavskaja.com/>) и на сайте луганской культуры «Одуванчик» (<http://oduvan.online/>).

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АРХАИКИ ДО ПОСТМОДЕРНА: поэмы, интриги расследования.....	3
Дело об измене	6
ВЕК НОСФЕРАТУ	6
<i>Александр Желанный</i>	
АЛХИМИЧЕСКАЯ ИЗМЕНА: УКРАИНА С ЕВРОПОЙ ИЛИ ДОНБАССОМ?	9
Дело героя	13
ДОНБАССКИЙ ИМАЖИНЭР. НОКТЮРН. ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ВОЙНЫ	13
ДОНБАССКИЙ ИМАЖИНЭР. ДИУРН. ПОСЛЕДНЯЯ ОБОЙМА.....	16
<i>Нина Ищенко</i>	
ГЕРОЙ И СМЕРТЬ В ДОНБАССКОМ ИМАЖИНЭРЕ: ВОССТАТЬ ИЛИ ПОДЧИНИТЬСЯ?	19
Дело сатира Марсия	25
МАРСИЙ, ВЫЗОВИ ФЕБА!	25
<i>Нина Ищенко</i>	
ПОЭТ БЕЗ КОЖИ – ВАКХИЧЕСКИЙ ИЛИ ПОЭТИЧЕСКИЙ ЭКСТАЗ?	27
Дело Русалки	33
НЕМО.....	33
<i>Ольга Бодрухина</i>	
КАК ОБРЕСТИ ЗАПРЕТНУЮ ЛЮБОВЬ?	39
<i>Нина Ищенко</i>	
КАК ПЕРЕПЛЫТЬ ТРИ МОРЯ – МОРЕ СМЕРТИ, МОРЕ СЛОВ И МОРЕ ЛЮБВИ?	44

Дело жизни	53
НОВОРОССИЯ ГРОЗ. НОВОРОССИЯ ГРЁЗ	53
<i>Ольга Бодрухина</i>	
НОВОРОССИЯ ГРОЗ: ФЭНТЕЗИЙНО-ПАРТИЗАНСКОЕ МНОГООБОЖИЕ ИЛИ ПРАВОСЛАВНАЯ ОРТОДОКСИЯ?	84
<i>Нина Ищенко</i>	
ДОНБАСС: САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ИЛИ ТЕРРИТОРИЯ ИНФЕРНО?	89
<i>Арсентий Атоян</i>	
ГРЁЗЫ НОВОРОССИИ ИЛИ ГРОЗЫ УКРАИНЫ?	95
Дело Рыцаря с Лебедем	110
ЭЛИАС	110
<i>Нина Ищенко</i>	
НОВЫЙ ОБРАЗ РЫЦАРЯ С ЛЕБЕДЕМ: МИР БЕЗ ВОЙНЫ ИЛИ ДЕНЬ Z?	117
Следствие вели	128
О КНИГАХ ЕЛЕНЫ ЗАСЛАВСКОЙ.....	
«ГОД ВОЙНЫ» (2015)	129
«БУМАЖНЫЙ САМОЛЁТ» (2018)	129
«ДОНБАССКИЙ ИМАЖИНЭР» (2020)	130
«ОПЫТЫ ПРИСТАЛЬНОГО ЧТЕНИЯ» (2020)	130
«НОВОРОССИЯ ГРОЗ. НОВОРОССИЯ ГРЁЗ» (2020).....	131
«НАСТЯ, ПРИЕЗЖАЙ!» (2022)	132
«ЭТИ РУССКИЕ» (2022)	132

Литературно-художественное издание

*Литературные расследования по стихам и поэмам Елены Заславской.
Опыты пристального чтения-2*

Редактор – Ищенко Н.С.

Художественное оформление и вёрстка
topor&lopata энтертеймент

vk.com/topor_lopata

Подписано в печать 10.06.2023.

Формат 60x84/16.

Типограф.гарнитура GaramondBookCTT.

Печать. RISO. Усл.-печ. л. 4,5

Тираж 100 экз.